

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Г.Ф. Лутфуллина

**ВВЕДЕНИЕ В СОПОСТАВИТЕЛЬНУЮ ЛИНГВИСТИКУ.
Английский и родной языки**

Учебное пособие

Казань 2017

УДК 811.111

ББК 81.2

Л 82

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Казанского государственного энергетического университета *М.Н. Закамулина*;

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета *Л.Р.Сакаева*

Л 82 Лутфуллина Г.Ф.

Введение в сопоставительную лингвистику. Английский и родной языки: учебное пособие / Г.Ф. Лутфуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2017. – 84 с.

Пособие знакомит студентов с современными концепциями в области сопоставительного языкознания на примере английского, русского и татарского языков. Данное учебное пособие предусматривает представление материала по тематическому принципу на базе современных концепций.

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по программе дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и для студентов, обучающихся по направлениям подготовки с углубленным изучением английского языка.

УДК 811.111

ББК 81.2

© Лутфуллина Г.Ф., 2017

© Казанский государственный энергетический университет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная цель пособия – познакомить с основами сопоставительной или контрастивной лингвистики на материале английского и родного языков. В этом пособии представлено краткое изложение современных теорий в области контрастивной лингвистики, сравнительного анализа английского и русского языков.

Новым и полезным является включение материала, конкретизирующего особенности татарского языка как родного для части слушателей.

В процессе обучения по данному пособию у студентов формируются следующие общекультурные и профессиональные компетенции:

- способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;
- способность к письменной и устной коммуникации на государственном языке: умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь;
- готовность к использованию одного из иностранных языков;
- способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, включая профессиональное взаимодействие.

ГЛАВА 1. КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ОСОБЫЙ РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1.1. Факторы развития и становления контрастивной лингвистики

Контрастивная лингвистика (конфронтативная лингвистика, сопоставительная лингвистика) – направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся с 50-х годов XX века. Целью контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры. Ранними источниками контрастивной лингвистики можно считать наблюдения над отличиями чужого языка по сравнению с родным, которые нашли свое отражение в грамматиках, публиковавшихся в различных странах, и работы по типологическому сравнению неродственных языков, проводившиеся в связи с задачами типологической классификации языков. Эти два источника в известной мере ощущаются в контрастивной лингвистике и поныне.

Сопоставление языков столь же древне, сколь и само изучение языка. Сравнение языков возникло благодаря языковому многообразию. Любые грамматики изучаемого второго языка, да и многие первые грамматики родного языка писались на фоне сравнения, осознанного или бессознательного, с другим языком – родным в первом случае или более престижным языком культуры – во втором. Европейские грамматики эпох Возрождения – первые грамматики современных языков – писались фактически в сопоставлении с грамматиками греческого или латинского языка.

Сопоставительное изучение языков имеет свою историю, в которой можно выделить три этапа. Первый этап охватывает период с древних времен до 20-х годов XX столетия. Данный этап характеризуется обилием грамматик, основанных на так называемой имитации, и отсутствием специальных работ, направленных на решение теоретических вопросов сопоставительной лингвистики. Важными на этом этапе являются идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.А. Богородицкого, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Потебни, А. Мейе и других лингвистов о возможности и плодотворности сравнения неродственных языков.

Второй этап охватывает период с 20-х до 50-х годов XX века. На этом этапе появились два важных направления: сопоставительное изучение языков в теоретических целях и сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях. Основоположником первого направления был

В. Матезиус [42], второго – Б.Д. Поливанов. На этом этапе появился ряд ценных идей относительно методики сопоставления языков.

Третий этап истории сопоставительной лингвистики начинается с 50-х гг. и продолжается до настоящего времени. Характерные особенности этого этапа:

1) возросший интерес лингвистов и методистов к сопоставительной лингвистике;

2) дискуссия, развернувшаяся в 1957-1958 гг. на страницах журнала «Русский язык в национальной школе», поводом для которой послужила статья Б.А. Серебренникова «Всякое ли сопоставление полезно?» [59];

3) осознание лингвистами важности принципа системности при сопоставлении языков;

4) возникновение различных вариантов полевого подхода в сопоставительной лингвистике;

5) появление новых теорий и подходов к сопоставлению языков;

6) выход в свет крупных теоретических работ по сопоставительному изучению языков: «Контрастивная грамматика» [73], «Лингвистика через культуру» [77], «Языковые структуры в их контрастности» [54].

На третьем этапе сопоставительная лингвистика была выделена как самостоятельная дисциплина. Сопоставление языков имеет теоретическую и практическую ценность. Оно углубляет исследование каждого из сравниваемых языков, способствует обнаружению свойств, которые остаются вне поля зрения при отдельном (несопоставительном) изучении. Результаты таких исследований могут служить материалом для типологии, для составления словарей, а также для теории и практики перевода.

Сопоставление языков является одним из важнейших методов исследования билингвизма, что особенно актуально в условиях нашей страны, эффективным методом изучения взаимодействия и взаимообогащения языков.

Сопоставительная лингвистика может создать универсальную модель или универсальный метаязык, с помощью которых возможно установить степень близости языков, их сходства и различия, оно может также снабдить новыми данными общее языкознание.

Современный лингвист, описывающий какой-нибудь «экзотический» язык или диалект, держит в своем сознании привычную схему родного либо какого-нибудь другого языка, с которым он поневоле сравнивает факты изучаемого им нового языка, пропуская их через привычную сеть понятий. Сопоставительная лингвистика выросла из необходимости описания языков и из необходимости их преподавания. По мнению В.Г. Гака, контрастивная

лингвистика представляет собой сублимацию, теоретическое обобщение давней человеческой практики в области описания языка [13].

1.2. О контрастивной лингвистике как об особой науке внутри языкознания

Возникновение контрастивной лингвистики как науки нередко связывают с выходом книги Р. Ладо «Linguistics across Cultures» [77]. Как это часто случается в истории современного языкознания, часто ссылались на английских и американских авторов. Однако контрастивная лингвистика успешно разрабатывалась Пражской школой. Большую роль в ее становлении сыграли выдающиеся работы Ш. Балли, выросшие из необходимости преподавания немецкого языка во франкоязычной аудитории. В нашей стране, где многоязычие и потребности преподавания русского языка в иноязычной аудитории и иностранных языков в разнообразнейшей по языковому составу аудитории, стимулировали контрастивные исследования, особую роль в их развитии сыграли такие выдающиеся ученые как Л.В. Щерба и Е.Д. Поливанов. Эта отрасль языкознания была уже обоснована в статьях А.И. Смирницкого, В.Н. Ярцевой, В.Д. Аракина и были разработаны теоретические основы сопоставительного анализа языков. В свет вышли книги, посвященные сопоставительному изучению немецкого и русского, французского и русского языков. Именно в тот период в нашей научной литературе появились словосочетания «контрастивная грамматика» или «контрастивная лингвистика», импортированные из английского языка.

Первый вопрос, который естественно встает в связи с контрастивной лингвистикой – это вопрос о ее месте среди других разделов языкознания. Сравнение является основным методом изучения языка. Но в зависимости от цели и объекта различаются три отрасли языкознания, использующие сравнение:

- сравнительно-историческая лингвистика, изучающая генетическую общность языков в их развитии;
- ареальная лингвистика, рассматривающая вторичное родство языков, языковые союзы, общность языковых явлений независимо от степени их генетической общности,
- сопоставительная (контрастивная) лингвистика и топологическая лингвистика, изучающие схождения и расхождения между языками, независимо от степени их генетической близости.

В науке активно обсуждался вопрос о сопоставительной (контрастивной) лингвистике и о лингвистической типологии, их

размежевании или, наоборот, их взаимосвязях. В. Скаличка объясняет различие между ними следующим образом: типология берет за основу сравнения отдельные компоненты системы, но изучает их во всех языках или в возможно более широкой общности языков [61]. Сопоставительная лингвистика сравнивает только два языка, но по всем элементам системы. Развитие типологических и сопоставительных исследований не вполне оправдало это различие.

Предметом сопоставительного анализа может быть отдельное явление, причем не обязательно в двух, может быть и в нескольких языках, тогда как типологический анализ может охватывать большие разделы языка и даже структуру языка в целом.

Задача лингвистической типологии – установление языкового типа (как типов существования того или иного элемента в различных языках, так и языковых типов в целом), для последующей классификации языков и выявления того, как вообще может быть устроен человеческий язык.

Задачи сопоставительной лингвистики – сравнение фактов языкового строя двух или нескольких языков с целью обнаружения схождений и расхождений. Б. Потье, устанавливает три этапа типологического анализа:

- нахождение типологической черты (основы сравнения языков),
- характеристика языка по данной черте,
- классификация языков, определение места языка среди других языков в классификации по данной черте [53].

Соотношение сопоставительной лингвистики и типологии иногда представляют таким образом, что типология – более абстрактная наука, тогда как сопоставительная лингвистика более конкретная: сопоставительная лингвистика дает материал для типологии, тогда как типология предоставляет сопоставительной лингвистике средства объяснения соответствующих схождений и расхождений [13].

В синхронном плане противопоставляются прежде всего типология и контрастивная лингвистика. В некоторых теориях понятие контрастивной лингвистики сужается и в таком случае она противопоставляется иным формам сопоставления языков. В языкознании отмечаются две теории:

1. Характерология. Особенность характерологии следует видеть в том, что она имеет дело с существенными особенностями данного языка в данный момент времени, стремясь выявить имплицативные соотношения между этими особенностями языка. Данный подход представлен в известной книге Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Особенности структуры слога, словесного и фразового ударения, морфологии, лексической семантики, порядка слов, словообразования

французского языка в сопоставлении с немецким предстают как взаимосвязанные явления и тенденции, определяемые глубинными особенностями языковой структуры.

2. Конфронтативная лингвистика. Конфронтативная лингвистика имеет более теоретическую ориентацию и занимается как сходствами, так и различиями между языками, тогда как контрастивная лингвистика имеет более практическую направленность и занимается преимущественно различиями между языками. При практическом использовании данных контрастивной лингвистики, в частности в преподавании языков, необходимо акцентировать различия, а не сходства, но в принципе при сопоставлении языков неизбежно отмечаются как сходства, так и различия, что свидетельствует об отсутствии принципиального расхождения. В сопоставительных исследованиях нужно отмечать и изоморфизм алломорфных фактов. По мнению В.Г. Гака, проводить разницу между «конфронтативным» и «контрастивным» языкознанием нет оснований, оба подхода пользуются одними и теми же методами исследования и все дело здесь заключается в том, что учитывается в первую очередь при использовании его результатов [13].

Общие задачи контрастивной лингвистики:

- выявить схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками;
- определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка;
- выявить связи с различными видами прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием неродного языка, с теорией перевода, для которой оно дает надежную лингвистическую базу;
- предвидеть и преодолевать нежелательную интерференцию;
- предоставить материал для типологии, для выявления универсалий.

Теоретические задачи сопоставительной лингвистики:

- определение сходств и различий между сопоставляемыми языками;
- вскрытие тех признаков сопоставляемых языков, которые остались незамеченными при изучении одного языка;
- вскрытие характерных для данных языков тенденций и закономерностей;
- определение системных соответствий и несоответствий между сопоставляемыми языками;
- определение взаимодействия и взаимообогащения сопоставляемых языков, возникающих при постоянных контактах;

- выявление причин основных сходств и различий (если это возможно);
- верификация дедуктивных универсалий на материале сопоставляемых языков.

Прикладные задачи сопоставительной лингвистики:

- определение методической релевантности сходств и различий между сопоставляемыми языками;
- установление характера межъязыковых интерференций;
- определение трудностей изучения неродного языка, возникающих в результате наличия межъязыковых различий;
- определение границы применения межъязыкового сравнения как приема обучения неродному языку;
- разработка процедуры межъязыкового сравнения как приема обучения неродному языку.

Контрастивная лингвистика способствует решению целого ряда практических задач в области преподавания языков:

- а) диагностирование трудностей изучаемого языка, возникающих вследствие межъязыковых расхождений;
- б) отбор языкового материала для обучения;
- в) определение последовательности подачи учебного материала;
- г) выбор эффективных методических приемов для объяснения учебного материала;
- д) создание рациональных упражнений, направленных на снятие межъязыковых интерференции;
- е) определение объектов контроля умений и навыков речи на неродном языке;
- ж) создание эффективных тестов;
- з) объяснение типичных ошибок;
- и) создание эффективных учебников, учебных пособий, методических разработок, программ по неродному языку.

Контрастивные исследования принимают различную форму и преследуют различные задачи.

Объектом контрастивного анализа могут быть единицы любого уровня языка: фонемы, слова, грамматические явления вплоть до текста. Контрастивные исследования могут касаться не только двух, но и трех и более языков.

По *направленности* выделяют двустороннюю (многостороннюю) и одностороннюю контрастивную лингвистику [69].

Многосторонняя контрастивная лингвистика:

1) основой сопоставления является «третий член» – определенное внеязыковое понятие, и прослеживаются способы его выражения в двух или в большем числе языков.

2) сопоставительное исследование выявляет значение какой-либо формы одного из языков и определяет способы выражения аналогичных значений в сопоставляемом языке.

3) сопоставление обратимо, нет различия между исходным языком и языком-целью.

Односторонняя контрастивная лингвистика:

1) сопоставление необратимо, оно не только одностороннее, но и однонаправленное,

2) один язык оказывается исходным, другой – языком-целью.

Данное различие сходно с ономаσιологическим и семасиологическим подходами. При семасиологическом подходе сопоставляемые факты рассматриваются в направлении от формы к содержанию (или к функции), при ономаσιологическом – сопоставление ведется от содержания к выражающим это содержание языковым формам. В основе любого сопоставления лежит категория сопоставления или контрастивная категория. В первом случае эта категория имеет формальный характер, объединяя определенную форму с определенным содержанием. При ономаσιологическом? или функциональном подходе, категория сопоставления носит чисто семантический, или функциональный, характер; это может быть какая-либо понятийная категория. Нужно рассматривать все средства выражения данного значения, независимо от их принадлежности к определенному языковому уровню.

Контрастивные исследования различаются *по уровню анализа*.

А. Ладо выделяет три уровня контрастивного подхода для слова: форма, значение, дистрибуция. Под дистрибуцией он понимает не только формальное окружение слова, но и его использование в определенных контекстах и ситуациях [77].

Р. Косериу различает уровни сопоставительного анализа соответственно уровням языковой реализации. Он различает тип языка, систему языка, языковую норму и функционирование языкового элемента в тексте [32]. Для теории и практики перевода существенным является сопоставление на уровне текста, когда выявляется единство функции разных элементов, занимающих разное положение в уровнях языковой системы. В.Г. Гак считает полезным различение трех аспектов семантической структуры текста: смысл, значение и обозначение [13]. Смысл реализуется в

тексте, он включает в себя и внеязыковые компоненты, различного рода коннотации культурного характера и т.п. Значение – содержание языкового знака, обозначение – использование знака по отношению к определенному денотату. Перевод заключается в том, что одно и то же обозначается при помощи разных значений, точнее, при помощи знаков с разными значениями. Функциональный аспект контрастивной лингвистики для теории перевода важнее, чем системный.

Цель контрастивного анализа – это описание языка или языков в рамках типологического исследования. Анализ может быть ориентирован на перевод или на преподавание языка. Эффективным является контрастивный анализ в функциональном плане, на уровне текста.

Контрастивная лингвистика вышла из преподавания языка, она тесно связана с ним и дает теоретическое обоснование для усовершенствования методики обучения языку.

Контрастивная лингвистика оперирует материалами на синхронном срезе языка. В количественном отношении работы по различным уровням языка распределены неравномерно: больше всего – по контрастивной грамматике (включая словообразование), меньше – по контрастивной фонологии, еще меньше – по контрастивному сравнению лексических систем. Обособлению контрастивной лингвистики от более широкой области сравнительно-сопоставительного рассмотрения разных языков способствовало проведение специальных конференций, посвященных контрастивным исследованиям, включение с 1972 года проблематики контрастивной лингвистики в программу международных лингвистических конгрессов. Первая конференция состоялась в 1968 году в Джорджтауне, США.

Как уже было отмечено выше, началом контрастивной лингвистики принято считать появление в 1957 году работы Р. Ладо. Однако труды русских языковедов конца XIX – начала XX вв. содержали не только богатые материалы по сопоставительному изучению языков, но и положения о возможностях применения контрастивной лингвистики – работы А.А. Потебни, Ф.Е. Корша, позже Е.Д. Поливанова, труды В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы с изложением теоретических основ сравнения родного и иностранного языков. Разнообразие языков народов СССР стимулировало разработку проблем контрастивной лингвистики. Улучшение преподавания русского и иностранного языков в национальных школах, создание двуязычных словарей, некоторые вопросы перевода явились сферами практического приложения теоретических достижений контрастивных исследований.

Собственно контрастивные работы не всегда четко выделяются среди многочисленных изысканий сопоставительного характера, что часто отражается и на применяемой в них терминологии. В контрастивных исследованиях главное внимание должно уделяться специфическим чертам сравниваемых языков на основе некоторого набора общеязыковых явлений.

Контрастивную лингвистику характеризует прежде всего установка на анализ форм в связи с передаваемым содержанием и оценка функциональной значимости отдельных явлений в системе языка. Имеются работы, в которых за исходный пункт берется то или иное понятие и соответственно рассматриваются формы его выражения в сравниваемых языках. Подобные исследования часто смещаются в сторону теории универсалий, и не случайно большинство лингвистов полагают, что место контрастивной лингвистики в общей номенклатуре лингвистических дисциплин нуждается в уточнении.

Развитию и становлению контрастивной лингвистики способствовал ряд факторов:

1. Типологическая имитация (лат. *imitatio* – подражание, уподобление, подделка), т.е. описание системы одного языка строится на основе имеющегося описания системы другого языка. При этом происходит сравнение языков и проверяется возможность рационального уподобления сравниваемых языков.

2. Научное сравнение и сопоставление языков и появление работ, раскрывающих результаты исследований.

3. Развитие перевода и переводческой науки, поскольку и при переводе происходит своеобразное сравнение систем языка оригинала и языка перевода.

4. Лексикография также является стимулирующим фактором, способствующим становлению контрастивной лингвистики, ибо при сопоставлении двуязычных и многоязычных словарей лексикограф проводит сравнение и сопоставление систем описываемых языков.

5. Практическое и теоретическое изучение иностранных языков, при котором возникает необходимость в сравнении систем родного и изучаемого языков.

6. Межъязыковые контакты.

В настоящее время в сопоставительной лингвистике существуют два направления: сопоставительное изучение языков в теоретических целях и сопоставительное изучение языков в лингводидактических целях. Представители первого направления акцентируют внимание на теоретическом аспекте сопоставительной лингвистики (на сходствах и различиях между сопоставляемыми языками), а представители второго

направления – на лингводидактическом аспекте (на использовании сопоставительного анализа родного и изучаемого языков в оптимизации обучения неродному языку).

Если распределить вышеуказанные задачи сопоставительной лингвистики между этими двумя направлениями, то первому направлению выпадают теоретические задачи сопоставительной лингвистики, а второму – прикладные задачи.

В настоящее время существует несколько подходов к сопоставлению языков:

1) атомистический – сравниваются отдельные изолированные элементы языков;

2) малосистемный – сравниваются малые системы языков;

3) трансляционный – выбирается определенная малая система или группировка элементов из одного языка, затем выявляются средства выражения значений элементов данной системы в другом языке;

4) логический – сравниваются средства выражения логических категорий в двух или более языках;

5) полевой – сравниваются соотносительные лингвистические поля: семантические, ассоциативные, синтаксические, словообразовательные, функционально-семантические и т.д. ;

6) денотативный – сравниваются «вкусы» языков при отборе аспектов одной и той же ситуации в ходе ее описания.

Все эти подходы имеют свои сильные и слабые стороны. Общий их недостаток – ограниченность сферы их применения. Поэтому при глобальном сопоставлении языков они вступают в отношения дополнительности.

Языки могут сопоставляться в плане:

абстрактной системы – сравниваются структуры двух или более языковых систем (в плане языка как потенция),

речевой деятельности – сравниваются речевые действия на двух или более языках по их операционной структуре,

текста – сравниваются тексты по длине, по средствам выражения связи коммуникативных единиц, по степени синтаксической компрессии, избыточности, неопределенности и т.д.

Одним из важных моментов при сопоставительном изучении языков является выбор языка-эталона. В зависимости от характера сравниваемых языковых явлений им может служить родной язык, изучаемый язык или же третья система (искусственная система или третий язык). Родной язык выступает в качестве языка-эталона тогда, когда признаки явления родного

языка покрывают признаки соответствующего явления изучаемого языка; в обратном случае в качестве языка-эталона выступает изучаемый язык. Третья система берется тогда, когда признаки сопоставляемых явлений лишь частично перекрывают друг друга. Язык-эталон может меняться даже при сравнении одних и тех же элементов языка в зависимости от признака, выбираемого для сравнения.

Следующие основные принципы сопоставительной лингвистики отмечаются лингвистами:

- 1) принцип сравнимости;
- 2) системности;
- 3) терминологической адекватности;
- 4) достаточной глубины сравнения;
- 5) учета степени родства и типологической близости сопоставляемых языков;
- 6) учета положительного и отрицательного переноса лингвистических знаний;
- 7) территориальной неограниченности;
- 8) учета функциональных стилей;
- 9) двусторонности сравнения;
- 10) синхронности;
- 11) простоты;
- 12) минимальной абстракции;
- 13) сокращения;
- 14) учета территориальных диалектов родного языка;
- 15) учета факультации и межъязыковой интерференции.

Первые девять принципов касаются сравнения языков в теоретических и лингводидактических целях, остальные – сравнения языков только в лингводидактических целях [71].

Сопоставительная лингвистика имеет тесную связь с типологией, теорией и практикой перевода, социолингвистикой, лексикографией и методикой преподавания неродного языка.

Контрольные вопросы

1. Назовите и охарактеризуйте основные этапы сопоставительного изучения языков.
2. С какими событиями связывают возникновение контрастивной лингвистики?
3. Какие три отрасли языкознания занимаются сравнением языков?

4. Укажите отличительные черты лингвистической типологии и сопоставительной лингвистики.
5. Чем отличается сопоставительная лингвистика от характерологии и конфронтативной лингвистики?
6. Назовите задачи констративного изучения языков.
7. В чем заключается отличие односторонней и многосторонней контрастивной лингвистики?
9. Дайте определение ономаσιологического и семасиологического подходов в изучении языков.
10. Какие уровни языка охватывают констративные исследования?
11. Назовите цели контрастивных исследований.
12. Какой уровень языка наиболее исследован контрастивной лингвистикой?
13. Какой вклад в развитие контрастивной лингвистики внесли отечественные ученые?

ГЛАВА 2. ОСНОВНОЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ – СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Предметом контрастирования являются различия или соответствия сравниваемых языков. Такого рода различия и соответствия существуют на всех уровнях языка, как знаковых, так и незнаковых. В рамках контрастивной лингвистики можно, например, сравнивать фонетические и фонологические, лексические и фразеологические, морфологические, синтаксические системы двух языков.

Цели и задачи контрастивной лингвистики. Контрастивная лингвистика преследует цель: обнаружить различия и общие черты в сравниваемых языках. В этом плане она близка к типологическо-сопоставительному языкознанию. Особое внимание контрастивная лингвистика обращает на несходные, контрастные черты языков.

Контрастивные исследования преследуют не только теоретические, но и практические цели. Теоретико-практической целью контрастивного изучения двух языков является составление неполной грамматики, содержание которой представляет описание суммы различий между грамматикой языка-источника (родного языка) и грамматикой изучаемого языка. Контрастивная грамматика является своего рода дифференциальной грамматикой. Это не означает, что совпадающие в двух языках грамматические секторы не должны изучаться. Такой подход неминуемо привел бы к искаженной точке зрения изучающего на изучаемый язык. Результаты сравнения двух языков как раз необходимы для предсказания трудностей и ошибок, которые возникают в процессе изучения неродного языка.

Большую роль в сопоставительных исследованиях играет контекстуально-функциональный анализ. Он имеет два аспекта: качественный и количественный. При качественном контекстуальном анализе отмечаются расхождения в использовании тех или иных форм и структур в речи на двух языках. Однако сам по себе качественный анализ не может быть сочтен достаточным: задачей контрастивного анализа является выведение языковых тенденций, а это невозможно без определенных количественных данных. В сопоставительных исследованиях используются количественные подсчеты и отражающие их графики. В.Г. Адмони указывает на важность «симптоматической» статистики, которая формулируется в понятиях «чаще», «реже»; «больше», «меньше» [2, с. 45]. В последние время

статистические данные позволяет получить методы использования корпусной лингвистики.

Качественный аспект контекстуальных сопоставительных исследований может касаться различных явлений структуры текста. Часто объектом выступают формальные компоненты текста. Интерес представляют сопоставительные исследования, касающиеся отбора языковых средств при выражении сходного содержания, рассматривающие такие вопросы, как, например, использование слов различных частей речи в тексте, использование различных способов выражения диатезы (пассив, конверсивные глаголы и т.п.), различия в конфигурации актантов в предложениях на двух языках, использование различных коммуникативных форм высказывания (вопросительные, побудительные предложения), закономерности местоименной репрезентации и повторной номинации. По мнению В.Г. Гака, важным аспектом сопоставительного анализа текста является также изучение соотношения поверхностной структуры и пресуппозиции, а в связи с этим – фактов относительной избыточности и экономии текста [13]. Лишь с учетом всех этих факторов можно добиться того, что контрастивная лингвистика станет орудием формирования у человека, изучающего иной язык, «чувства языка», позволит выявить закономерности формирования аутентичного высказывания на данном языке соответственно контекстам и ситуациям. Тенденции, касающиеся основных параметров текста, проявляются в текстах различного содержания и в речевых актах разнообразной интенции. Их систематическое изучение позволит, следовательно, выявить особенности формирования речевых актов различного типа в разных языках.

В.Г. Гак выделяет сравнительное исследование самих общих закономерностей расхождений, выявляемых при контрастивном анализе. Например, лексику можно сопоставлять по отдельным словам, по цельным семантическим группам, по морфологической структуре слов, наконец, в функционально-ономасиологическом плане – по способам лексического выражения тех или иных значений или обозначения тех или иных денотатов. Но сопоставление лексики может идти и по общим категориям: использование гиперонимов и гипонимов, прямых и переносных значений, нейтральных и экспрессивно окрашенных значений, универсальных и многокомпонентных номинаций и т.п. Равным образом после контрастивного анализа отдельных категорий и даже широких участков языковой структуры, полезно провести сопоставительный анализ функциональных категорий контрастивности, таких как использование маркированных/немаркированных форм, использование идентичных или вариантных форм, использование

форм в первичных и вторичных функциях, несовпадение ядерных и периферийных явлений, функциональные лакуны и т.п. В данном случае исследуются в сопоставительном плане не отдельные языковые явления или их блоки, но сами типы возможных расхождений. Таким образом, контрастивная лингвистика получает методологическую завершенность [13].

Методы, применяемые в контрастивных исследованиях, с одной стороны, тесно связаны с развитием теории в различных направлениях современного общего языкознания, а с другой – зависят от целей и ориентации той или иной работы контрастивного характера. В работах, направленных на улучшение методики изучения иностранного языка (Г. Никкель, Р. Филипович), родной язык берется как исходная модель – «язык-эталон» (source language), с которой по линии сходства и различий сравнивается изучаемый иностр. язык (target language). Работы подобного рода охватывают обычно всю область грамматики (иногда и фонетики) в целом.

Сопоставительный метод – это исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности (системной идиоматичности). Сопоставительный метод направлен в первую очередь на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и поэтому называется также контрастивным. Сопоставительный метод лежит в основе контрастивной лингвистики. Сопоставление как разновидность сравнительного изучения языков отличается от других видов лингвистического сравнения, хотя в целом сопоставительный метод смыкается с общими принципами типологии, будучи применимым к языкам независимо от их генетических отношений. Сопоставительный метод отличается от общетипологических и характерологических подходов не спецификой приемов, а задачами исследования. Он особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт. В этом отношении сопоставительный метод приближается к сравнительно-историческому методу, будучи в известном смысле его обратной стороной: если сравнительно-исторический метод базируется на установлении соответствий, то сопоставительный метод – на установлении несоответствий, причем нередко то, что диахронически является соответствием, синхронически предстает как несоответствие (напр., рус. «белый» – укр. «бі-лний», оба от др.-рус. «бѣлый»). Сопоставительный метод – достояние синхронических исследования языка; он устанавливает между сравниваемыми языками отношение контраста, которое проявляется в зависимости от уровня:

диафония – расхождения на фонологическом уровне;
 диаморфия – грамматические расхождения,
 диатаксия – синтаксические расхождения,
 диасемия – семантические расхождения,
 диалексия – лексемные расхождения, регистрируемые лишь в тех случаях, когда ожидается лексическое совпадение; ср. рус. «голубой» – польск. *blekitny* при лексическом совпадении многих других названий цвета [11, С. 133].

Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И. А. Бодуэном де Куртенэ, элементы сопоставления встречались и в грамматиках XVIII-XIX вв., но как лингвистический метод с определенными принципами он стал формироваться в 30-40-х гг. XX в. В СССР важный вклад в теорию и практику сопоставительного метода внесли в эти годы Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн. Классическим применением сопоставительного метода стали исследования в СССР Е.Д. Поливанова (1933), Ш. Балли в Европе (1935). Значение сопоставительного метода возрастает в связи с увеличением интереса к лингвистическим основам преподавания неродных языков.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение предмета контрастивной лингвистики.
2. Какой метод лежит в основе контрастивных исследований?
3. Дайте определение сопоставительного метода исследования.
4. Назовите отличия сопоставительного и сравнительно-исторического методов.
5. Какие отношения контраста проявляются в зависимости от уровня языка?
6. Кем была теоретически обоснована идея сопоставительного метода?

ГЛАВА 3. ОСНОВА СОПОСТАВЛЕНИЯ. МЕТАЯЗЫК ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ. ЯЗЫК-ЭТАЛОН

3.1. Метаязык контрастивного исследования

Любой язык представляет в своей совокупности обширную, строго когерентную систему, состоящую из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое. В своей внутренней структуре все языки стремятся к распределению интегрирующей системы, которую они представляют, между многочисленными интегрируемыми системами, каждая из которых образует некоторое целое [17, с. 106]. Таким образом, сопоставительному анализу должны быть подвергнуты соотносимые микро- и макросистемы рассматриваемых языков. Часто объектом сопоставительного исследования является система значений и средств их выражения в разных языках, поскольку системность теории проявляется как на семантическом, так и формальном уровнях.

Согласно гипотезе Р. Якобсона, всякий когнитивный опыт должен быть обязательно представлен в любом языке [72, с. 86]. Только рассмотрение языков во всей системе их форм и значений позволяет провести полноценный сопоставительный анализ языковых явлений разных языков. При исследовании категорий, не представленных средствами выражения конкретного языкового уровня, обращаются к рассмотрению языкового явления как объективной лингвистической реальности, функционирующей в языке с помощью средств различных уровней.

Методологической базой исследования часто выступает методика сопоставительного анализа категорий на основе дедуктивно-индуктивно сконструированного языка-эталона плана содержания и плана выражения макроконцепта.

Толкование лингвистического знака как единства формы и содержания привело к появлению двух подходов к его анализу: семасиологическому и ономасиологическому. *«Семасиологический* подход изучает значения языковых форм, *ономасиологический* подход позволяет исследовать различия в выборе языковых средств выражения определенных концептуальных категорий при отсутствии категории, закрепленной за определенным языковым уровнем. Взаимосвязь этих двух подходов заключается в соотносительности концептуальных категорий с планом содержания формальных языковых элементов» [21, 22].

В исследовании форм с разных языках часто применяется *семасио-*

ономазиологический подход, заключающейся в том, что дедуктивно выявленные значения, носящие универсальный характер, изучаются с целью выявления языковых средств их выражения.

Любое сравнение предполагает наличие основания для его реализации. Концептуальный аппарат понимается как система элементов с установленными за ней отношениями. Поскольку лингвистическая терминология не является рационально организованной, семиотически безупречной системой, в языкознании постоянно существует проблема упорядочения терминологии. Необходимо постоянно преодолевать свойственные лингвистической литературе неточности в терминологии и выявлять дублиеты, триплеты, стремясь к наиболее адекватному представлению понятий, позволяющему наиболее точно раскрыть природу обозначенного данным термином явления. В лингвистической литературе существуют различные толкования таких понятий как *язык-основание* для сравнения, *метаязык* описания и *язык-эталон* этих понятий (см. труды по сопоставительному и типологическому языкознанию Б.Ю. Городецкого, Г.П. Мельникова, Ю.В. Рождественского, Б.А. Серебренникова, Б.А. Успенского, В.Н. Ярцевой, В.П. Нерознака). Данные понятия необходимы для выявления инвентаря исходных понятий и определения границ сопоставительного исследования.

При сопоставлении фактов двух языков в качестве *языка-основания* можно избрать любой из сопоставляемых языков, в котором исследуемая категория была бы представлена на определенном уровне языковой системы, например, в качестве грамматической категории, которую можно было бы рассматривать как отправную точку сопоставительного анализа. Часто понятие метаязык-основание для сравнения не используется, поскольку в сопоставляемых языках категория может быть представлена как категория высказывания без закрепленного за ней определенного уровня лингвистического анализа.

Метаязыком описания языков-объектов исследования является понятийно-терминологический аппарат, разработанный для сопоставления средств выражения определенной категории в рассматриваемых языках.

В качестве *основания для сравнения* может быть взят «гипотетически сконструированный язык-эталон, охватывающий формы и значения двух сопоставляемых языков. Это своего рода абстрактный стандарт языка, от которого можно было бы отталкиваться при описании языков-объектов, соизмеряя их концептуальный и формальный уровни с соответствующими сторонами этой абстрактной модели языка» [21, 22]. По справедливому замечанию В.Н. Ярцевой, построение такой модели языка, «единицы

измерения», которую можно было бы использовать в качестве языка-эталона, является одним из основных принципов контрастивных исследований [73]. Согласно такому пониманию, под языком-эталонем понимается дедуктивно-индуктивная сконструированная двусторонняя формально-содержательная модель языка, способная служить единой основой для сопоставления языковых фактов в плане содержания и в плане выражения [21, 22].

3.2. Метаязык описания

Систему терминов и понятий, принятых в качестве метаязыка-описания, необходимо объяснять дополнительно, потому что, как справедливо отмечал Ю.С.Маслов, между языковедами наблюдается постоянный разницей в использовании одних и тех же терминов, а понятия, возникшие на базе славянских языков, зачастую механически переносятся в другие языки с отличной структурной организацией [41].

Понимание исходных концептов может быть осуществлено на базе существующих в лингвистической литературе концепций.

Например, категория *аспектуальность* рассматривается как функционально-семантическая категория, охватывающая различные средства выражения характера протекания действия. Аспектуальность, как функционально-семантическое поле, имеет план содержания и план выражения. План содержания представляет собой систему семантических признаков, объединенных одним общим – отношением действия к пределу. План выражения представлен средствами языка разного уровня (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, лексическими и их разнообразными сочетаниями).

Категория *предельности* понимается как направленность действия к внутреннему пределу как к такой точке в развитии действия, достижение которой означает полноту его осуществления и, тем самым, его исчерпанность [50]. Предельность рассматривается как на парадигматической, так и на синтагматической оси. На парадигматической оси предельность понимается как категория лексико-семантическая, реализующаяся словоформой; на синтагматической оси как категория лексико-синтаксическая, реализующаяся в высказывании и определяющаяся лексико-синтаксическим окружением эксплицитного контекста. Предельность интерпретируется в двух аспектах: предельность в качестве и предельность в количестве, а их комбинация порождает качественно-количественную предельность.

Высказывание понимается как коммуникативно значимая

функциональная единица, характеризующаяся связью с ситуацией, равновеликая предложению, в котором для выражения различных значений используются лексика, морфологическая форма слова, порядок слов и интонация [13].

Таким образом, метаязык описания служит унификации понятий и категорий сопоставительного исследования.

3.3. Язык-эталон

В плане содержания языком-эталонном является система значений, логически исчисленная из сопоставляемых языков.

Концептуальный аппарат предполагает классификацию предметной области, причем не просто то или иное ее разбиение, а определенную иерархию разбиений, вкладывающихся одно в другое. Архизначения объединяются одной семой и служат фоном для более частных значений.

Контрольные вопросы

1. Что является методической базой сопоставительного исследования?
2. Что чаще всего выступает объектом сопоставительного исследования?
3. Охарактеризуйте семасио-ономасиологический подход.
4. Дайте определение языка-основания.
5. Как Вы понимаете термин «метаязык описания».
6. Что может служить основанием для сравнения разноструктурных языков?
7. Дайте определение языка-эталона.

ГЛАВА 4. ПОНЯТИЕ КОНГРУЭНТНОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Исходным пунктом сравнения и сопоставления может быть форма или значение языковых единиц разных языков, и на этой основе обнаруживаются одинаковые или различные формы и одинаковые или различные значения сравниваемых языковых единиц. С этим связано два понятия: конгруэнтность и эквивалентность.

Под конгруэнтностью (лат. *congruens* – соразмерный, соответствующий, совпадающий) понимается тождество языковых форм [4]. Так, на фонетико-фонологическом уровне конгруэнтными (полностью или частично) будут такие слова, как: русск. *снег*, укр. *сніг*, бел. *снег*, болг. *сняг*; русск. *брат* – польск. *brat*. Конгруэнтность на фонетико-фонологическом уровне не исключает семантического расхождения конгруэнтных слов. Ср. русск. *бал* и тат. *бал (мед)*; русск. *диван* – польск. *dywan (ковер)*; русск. *булка* – болг. *булка (новобрачная)*; русск. *позор* – чешск. *rozor (внимание)*; нем. *kaution (залог, поручительство)* – англ. *caution (осторожность)*; нем. *kostum (верхняя одежда для женщин)* – русск. *костюм (верхняя одежда для мужчин, женщин, детей)*. В литературе по переводу эти слова получили название «ложных друзей переводчика». Для языковых единиц, не совпадающих в звуковой форме, проблема конгруэнтности рассматривается относительно тождества структуры наименования. Конгруэнтными словами в разных языках являются те, которые имеют одинаковую структуру наименования. Так, например, русское и татарское словосочетания *детский сад* и *балалар бакчасы*, русское и немецкое сложные слова *жизнерадость* и *lebensfreude* являются конгруэнтными, в отличие от русск. *учет* и тат. *исән-хисап* (слово и сложное слово), русск. *сплетник* и тат. *гайбәт капчыгы* (слово и фразеологизм), нем. *lebenskunst* и русск. *умение/искусство жить* (сложное слово и словосочетание) и т.п.

Не являются конгруэнтными: русск. *молодежь* и тат. *яшлар*, ибо русское слово употребляется только в единственном числе, а татарское – только во множественном; русск. *ножницы*, фр. *ciseaux* и тат. *кайчы/кайчылар*, так как в русском и французском языках слова употребляются исключительно во множественном числе, а татарское слово может употребляться и в единственном.

На уровне синтаксиса конгруэнтными (с точки зрения выражения подлежащего – субъекта действия) будут следующие предложения: русск. *Девочка не работает*, нем. *Das Mädchen arbeitet nicht*, а неконгруэнтным является: русск. *Ему не спится*. Как видим, русское предложение безличное.

Под эквивалентностью (лат. *aequivalens* – равнозначный, равноценный) понимается соответствие значений языковых единиц. Когда говорят о межъязыковой эквивалентности, то имеют в виду соответствие центральных и периферийных семантических компонентов единиц контрастируемых языков. Например, эквивалентом русского слова *серп* в татарском языке является слово *урак*, поскольку их семантические компоненты, отражаемые в дефинициях, совпадают. См.: *Серп* – ручное орудие для срезывания хлеба с корня, представляющее собой длинный изогнутый нож с зазубренным лезвием.

В самом общем виде различают три степени эквивалентности: полную, частичную и нулевую. Под полной эквивалентностью понимается тождество семантических компонентов языковых единиц, что представляет собой тождество семантических структур. Например: русск. *переименовать* – англ. *rename*, русск. образование – нем. *bildung*. Частичная эквивалентность языковых единиц может быть представлена в различных отношениях. Например, в виде явлений дивергенции и конвергенции.

Дивергенция – явление, при котором одному слову языка А соответствует более одного слова языка Б [4]. Так, к примеру русскому слову *палец* в немецком языке соответствуют две и более единицы: *Finger* (*палец на руке*), *Zehe* (*палец на ноге*), английскому слову *know* в испанском языке соответствуют две лексемы: *conocer* и *saber*. Конвергенция – явление, обратное дивергенции, т.е. двум и более словам языка А соответствует одно слово языка Б. Например, двум русским словам *женщина* и *жена* и трем английским словам *woman*, *wife*, *missis* в немецком языке соответствует одно слово *Frau*. Или, например, четырем лексемам: *коричневый*, *карий*, *каштановый*, *бурый* в немецком языке соответствует одно слово *braun*. Отсутствие в одном из сравниваемых языков единиц, передающих дифференциацию явлений объективного мира, ведет к дивергенции и конвергенции, которые могут быть представлены также следующими примерами: в языке лаппов существует 20 различных слов для наименования льда, 21 слово – для обозначения снега; в русском языке снег называется то *крупкой*, *порошей*, *хлопьями*; саму зиму называют ещё и ласково *зимушка-зима*, а несуровую, тёплую зиму – *сиротская зима*, в то время как в ряде языков такой дифференциации нет. В языках возможно наложение дивергентных и конвергентных отношений.

Частичная эквивалентность наблюдается при сравнении объема значений языковых единиц. Так, русскому слову *струна* [1) упругая нить, натягиваемая в музыкальных инструментах и издающая при колебании музыкальный тон, 2) нить, ремень из сухожилий животных, проволока и т.п.,

натягиваемые на что-нибудь] соответствует в татарском языке слово *кыл*, имеющее три значения [1) волос, 2) леска, 3) струна], из которых только одно совпадает со значением русского слова струна [13].

Третья степень эквивалентности – нулевая. Собственно ее нельзя считать эквивалентностью, и более точное название такому явлению – лакунарность (лат. *lacuna* – пробел, пропуск, пустота). Лакунарность – категория, составляющими которой являются: 1) лакунарные единицы языка А, не имеющие в сопоставляемом языке Б эквивалента соответствующего уровня, 2) лакуны – нули, «белые пятна» в системе эквивалентности языка Б. Итак, лакунарная единица является принадлежностью одного языка (условно, языка А), а лакуна – принадлежностью другого языка (условно, языка Б). Так, в русском языке нет соответствующей лексемы английскому слову *drive-in* – кино для автомобилистов (фильм смотрят из автомобилей на открытом воздухе), ресторан для автомобилистов (еду подают прямо в автомобиль), магазин или банк для автомобилистов (клиентов обслуживают прямо в автомобилях); в английском языке нет лексемы, соответствующей русскому словосочетанию *коммунистический субботник*; во французском языке нет соответствий русским словам: *сутки, кипяток, погорелец, ровесник, однолюб* и др. Появление лакунарных единиц обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К последним относятся существенные различия в социально-экономическом и историко-культурном развитии и уровне жизни носителей разных языков. Во многих языках лакунарные единицы отражают специфику государственного строя страны, политику ее правительства, социальный статус гражданина и т.д.

В английском языке, например, как и во многих германских и романских языках, нет соответствий русским лексемам и фразеологизмам типа: *почин, политпросвещение, бригада коммунистического труда, блокадник* и др. В то же время во многих языках, носителями которых являются народы бывших социалистических стран, имеются лакуны для таких английских фразеологизмов, которые отражают иные условия труда, чем при социализме. См.: англ. *yellow dog* (букв. желтая собака) – обязательство о невступлении в профсоюз, неучастии в стачке, согласии на удлинение рабочего дня и т.п., навязываемое рабочему при поступлении на работу.

Лакунарные единицы, раскрывая специфику, уникальность, контрастивность одного языка по отношению к другому, являются самыми контрастными компонентами в сопоставляемых языках.

В настоящее время контрастивная лингвистика предстает как уже сложившаяся наука со своими целями, объектом, методами анализа.

Разумеется, обсуждение ее различных аспектов будет продолжаться и впредь: такие дискуссии свидетельствуют о жизненности науки, а не о ее слабости. О развитии и ценности контрастивно-лингвистического направления в языкознании свидетельствует выход в свет все большего числа разнообразных трудов, общетеоретических описаний контрастивной лингвистики, сопоставительного описания пар языков, охватывающих различные уровни языка – от фонологии до стилистики и теории текста, расширение сферы сопоставительного анализа: если на первых порах контрастивный анализ занимался в основном фактами языковой системы, то теперь он все больше обращается к тексту, к речевым актам, к реализации, следуя общему направлению развития современной лингвистики. Он втягивает в сферу своих интересов самые различные аспекты лингвистики: этнолингвистику, социолингвистику, психолингвистику, лингвистическую семиотику и другие. Вместе с тем он дает все более широкие и ценные данные для типологии, лингвопедагогики, теории перевода, теории текста, лексикографии; контрастивная лингвистика утверждает себя как одна из наиболее ярких и эффективных форм связи между фундаментальной лингвистикой и прикладными аспектами языкознания. Ценность контрастивной лингвистики подчеркивается усилением внимания к ней в различных странах, особенно в сфере преподавания иностранных языков. В некоторых странах разрабатываются проекты по фронтальному сопоставлению – на разных уровнях – пары языков. Выход в свет многочисленных сборников статей, монографий, проведение национальных и международных конференций по контрастивной лингвистике, – все это свидетельствует о растущем интересе к этой области лингвистической науки.

Контрольные вопросы

1. Что может выступать в качестве исходного пункта сравнения?
2. Как Вы понимаете термин конгруэнтность?
3. Приведите примеры конгруэнтных слов в двух языках.
4. Приведите примеры конгруэнтности на уровне синтаксиса.
5. Дайте определение эквивалентности.
6. Назовите виды эквивалентности.
7. Дайте определение полной эквивалентности.
8. Дайте определение термина дивергенции.
9. Приведите примеры дивергенции.
10. Дайте определения частичной и полной эквивалентности.
11. Приведите примеры нулевой эквивалентности.

**ГЛАВА 5. РАЗНОУРОВНЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ
ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПОЛЯ
КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ
(на материале английского и татарского языков)**

Целью исследования является выявление изоморфных и алломорфных черт семантико-синтаксической категории пересказывательности в английском и татарском языках в разных аспектах ее реализации: номенклатуре средств выражения, взаимодействии с видовременной системой и как результат определение наличия эвиденциальной стратегии или системы в сопоставляемых языках.

Для достижения указанной цели решены исследовательские **задачи**:

1) разработан план содержания категории пересказывательности как компонента поля косвенной эвиденциальности в двух неродственных языках (английском и татарском);

2) рассмотрены лексические и морфологические средства выражения категории пересказывательности, выявлены алломорфные и изоморфные характеристики двух языков в ее выражении;

3) выявлены общие и отличные синтаксические конструкции, служащие репрезентации пересказывательности в английском и татарском языках.

Сопоставительный анализ категории пересказывательности в английском и татарском языках включает:

1) определение семантической структуры высказывания с реализацией категории пересказывательности как основы для сопоставления категорий с многоуровневой репрезентацией;

2) выявление изоморфных и алломорфных черт двух языков, обуславливающих их потенциальную способность к выражению категории пересказывательности.

Категория эвиденциальности остается популярным предметом изучения в трудах отечественных и зарубежных ученых последних лет. Анализ этих работ показывает, что категория эвиденциальности определяет источник информации (т.е. откуда у говорящего сообщаемые им знания, а также с помощью каких средств он их получил). В более узком смысле слова данная категория является способом оформления информации в тексте. Исходя из этого, косвенная эвиденциальность является термином, указывающим на источник информации, сведения из которого получены в результате непрямого, неличного доступа. В рамках функционально-семантического поля косвенной эвиденциальности как способа оформления

информации, при котором она вводится эксплицитным или имплицитным указанием источника информации, выделяется микрополе пересказывательности, соответствующее репортативному способу получения информации – от «третьих лиц».

План содержания. Классификация источников получения информации. При рассмотрении вопроса способов получения информации необходимо разграничивать понятия: способ получения информации, вид источника информации и эвиденциальное значение, как правило, грамматикализуемое. Согласно мнению Н. Скартини, способ получения информации может быть визуальным или сенсорным, инферентивным или пересказательным (репортативным). Источником информации, следовательно, может быть или говорящий, или другой способ засвидетельствования [79, с. 917-947]. Разграничение этих двух понятий позволяет описать взаимодействие различных эвиденциальных параметров. Классификация значений эвиденциальности на основе способов доступа к информации является наиболее сбалансированной и предполагает три больших класса, полученных пересечением двух частично независимых бинарных признаков – прямого / непрямого и личного / неличного доступов к информации [25]. В.А. Плунгян предлагает следующий вариант дифференциации способов доступа к информации: 1) не прямой личный инферентивный; 2) не прямой личный презумптивный способ; 3) не прямой неличный репортативный [51, с. 349-351]. Последний способ не прямой неличной засвидетельствованности рассматривается как ядерный, основной в поле косвенной эвиденциальности.

Способ получения информации – это способ доступа к информации, определяемый в зависимости от степени участия говорящего и детерминируемый через оппозиции прямой / не прямой, личный / неличный. *Вид источника информации* предполагает его принадлежность к определенному классу источников информации, дифференцируемому на основе таких признаков, как письменный / устный, анонимный / авторизованный, коллективный / индивидуальный, частный / представленный организацией. *Эвиденциальное значение* – это наиболее общее, грамматикализуемое в эвиденциальной системе языка значение.

Косвенная эвиденциальность. Неличный доступ к информации предполагает, что знания говорящего были получены им от другого лица или лиц (на основе пересказа чужих слов); при этом источник пересказываемого утверждения может быть как известен, так и неизвестен. Основным способом получения информации является репортативный, описывающий опосредованную, поступившую к говорящему от кого-то информацию

(различные варианты доступа к ситуации на основании чужих слов). Ядро функционально-семантического поля категории косвенной эвиденциальности образуют средства языка, выражающие непрямо́й, неличный доступ, а именно репортативный тип. Говорящий не является источником информации. В репортативном способе выделяют «пересказ из первых рук», сообщение свидетеля события, и «пересказ из вторых рук», сообщение человека, который сам не был свидетелем события.

В основу предложенной классификации источников информации как **плана содержания микрополя категории пересказывательности** (при репортативном способе получения информации) положена семантико-синтаксическая структура высказываний, а именно свойства субъекта (подлежащего) высказывания, т.е. исходной является языковая репрезентация источников. Использована классификация семантических субъектов – типов подлежащих, предложенная В.Г. Гаком [14, с. 625]. В предложениях с реализацией категории пересказывательности субъект, как правило, выражает осведомителя – источник информации:

1) определенный единичный (авторизованный), т.е. имеется в виду, что лицо идентифицировано, известны его должность и статус, или конкретная организация, например, информационное агентство (*the President Obama informed...* / *Президент Миңнеханов хәбәр итә...*);

2) определенный групповой (авторизованный), включающий двух и более субъектов, близких по своему положению (например, *the scientists report that...* / *Галимнар хәбәр итә...*);

3) неопределенный (анонимный), предполагающий большое количество людей (например, *crowd reports...* / *кеше, халык сөйли ...*) и исключающий конкретность, степень неопределенности зависит от выражения количественных отношений (например, *everybody says, all inform ...* / *бөтенесе, һәрберсе сөйли...*).

4) безличный (отсутствие источника), указывающий на отсутствие отнесенности к субъекту действия – подлежащему (например, *it's said that*).

Разработана детализированная классификация источников, составляющая план содержания категории пересказывательности. *Первым критерием* является форма передачи информации – устные и письменные источники информации. Устным источником информации, как правило, выступает человек, даже если озвучивается сообщение по СМИ.

Вторым критерием признается вид авторизации. Устные определенные источники информации делятся на индивидуально-личностные и профессионально-служебные. Индивидуально-личностная информация подразумевает, что информантом выступает субъект,

конкретное лицо. Профессионально-служебная информация предполагает, что информантом выступает конкретная информационная организация (например, телекомпания или пресс-центр). Чаще всего эту информацию получают в ходе общения, опроса, интервью, наблюдения. Значительная часть информации, публикуемая в открытых источниках, поступает в ходе пресс-конференций (мероприятие для СМИ, проводимое в случаях, когда есть общественно значимая новость), брифингов (краткая пресс-конференция, посвященная одному вопросу), презентаций (информационный или рекламный инструмент, позволяющий сообщить информацию в удобной форме).

Каждый источник информации предполагает конкретные ситуации передачи информации. Анализ зарубежной прессы показывает, что велика доля информации, получаемой из пресс-релизов (информационное сообщение, содержащее новость об организации или частном лице и передаваемое для публикации в СМИ), специальных информационных бюллетеней, экстренных сообщений по факсу или электронной почте о текущих событиях в той или иной сфере. Больше количество информации можно получить из газет и журналов, официальных сообщений по радио и телевидению, выступлений представителей органов власти.

Третьим критерием признается степень доступности. Письменные источники информации подразделяются на открытые, частично открытые и закрытые (конфиденциальные). К открытым источникам информации относятся публикации в СМИ (газеты, журналы, радио-, теле-, видеопрограммы, интернет-сайты, чаты, форумы), открытые заседания органов власти, пресс-конференции, брифинги и др. Авторы материалов, выступлений, статей часто используют данные, полученные косвенным путем.

1. According to The Financial Times, options being considered included asking immigrants who had not found a job within three months or did not have necessary funds to support themselves for six months to leave (www.bbc.com);

2. Интернет-сайтларда чыккан материаллар буенча язылган комментарийда, еш кына бу яңа ачыш турында сүз бара (karim-yaushev.ru).

Частично открытые источники информации представляют собой различные документы и материалы, не являющиеся общедоступными, не публикуемые открыто, но используемые в производственной, административной и внутрихозяйственной деятельности организаций и учреждений. Это материалы, находящиеся в служебном пользовании, свидетельствующие о каком-либо событии.

3. UCLA's assistant coaches receive a bonus equivalent to one month's pay for reaching the NCAA Tournament, according to contract documents (thefreelibrary.com);

4. Татарстан Республикасының Мәгариф һәм фән министрлыгы материаллары буенча яңа комиссия үзенең эшен май аенда башлап жибәрергә тиеш (эл. ТБҮ).

К закрытым (конфиденциальным) источникам информации относятся служебные документы различной степени секретности. Это могут быть различные научные статьи, монографии, разработки, несущие секретную информацию, а также базы данных МО, МВД, ФСБ и т.д.

Объективно чаще используются открытые источники информации, что определяется следующими обстоятельствами: 1) приоритетность и привлекательность обсуждаемых тем для граждан; 2) неординарность фактов, доминирующих над явлениями будничной, повседневной жизни, таких как информация негативного или сенсационного характера; 3) новизна фактов, сообщений, еще не получивших широкой известности; 4) высокий общественный статус источников информации.

Таким образом, источник информации может быть: 1) открытый/закрытый – по доступности; 2) письменный/устный – по форме существования информации, определяющей способ доступа к ней; 3) авторизованный/анонимный – по степени конкретизации информанта, по виду авторизации.

План содержания категории пересказываемости составляют следующие виды источников [25, с. 39]:

1. Авторизованный:

а) единичный – конкретное лицо, частное/должностное, конкретная организация, информационное агентство. Информантом выступает частное или юридическое лицо: *BBC reported that the American troops would leave Afghanistan in 2014 / BBC мәғлүмәтә буенча, Америка Кушма Штатлары гаскәрләре Әфганистаннан 2014 елда чыгарыла.*

б) групповой – определенная по выделенному признаку группа: по территориальному признаку – *my neighbours / минем күршеләр*; по профессиональному – *the employees of the company Orgsynthesis / Оргсинтезда эшләүчеләр. My neighbors told they would take a vacation tomorrow / Күршеләр әйткәнчә иртәгә алар ял итәргә китәрләр; The scientists of UNO inform that economic situation in Russia will improve by 2014 / ООН галимнәре әйтүе буенча 2014 елда Россияда икътисади яктан үсеш көтелә.*

2. Анонимный:

а) неконкретный типичный представитель – *каждый студент: Every student declares that he wants to be a volunteer during Universiade / Hәр студентның фикере буенча ул Универсиадада волонтер булып эшләргә риза.*

б) неопределенная группа – *все: Everybody says it's difficult to pay debts / Бөтенесенең фикере бер – әжәткә алган акчаларны түләү авырға төшә.*

3. Отсутствие источника – говорят: It's said that these students study well / Бу студентларның яхшы укуы турында сөйләп йөреләр.

Устный способ передачи информации часто является открытым и предполагает огласку.

Предложенная классификация в некоторой степени восполняет этот пробел и способствует образованию единой взаимосвязанной системы, основным терминологическим компонентом которой является общение, т.е. передача информации.

Способ получения информации детерминирован и зависит от определяемого класса источников информации, классификации на основе определенных признаков (анонимный/авторизованный, частный/представленный организацией, индивидуальный/коллективный, устный/письменный).

Семантическая структура высказываний с семантикой передачи информации предполагает наличие: 1) предиката речевого действия информирования, имеющего воплощенную в метаглаголе «сообщать» семантическую составляющую; 2) актанта субъектного типа Агенса, информанта; актанта субъектного типа Экспериантера в пассивных конструкциях, получателя информации; 3) актантов объектного типа Темы и Реципиенты (слушающего), а также Инструмента в пассивных конструкциях. Эвиденциальность как лингвистическая категория обладает рядом характерных признаков и функций на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

На уровне морфологических средств татарского языка выражается общее значение *косвенности*, трактуемое как отсутствие прямого личного восприятия информации. Категория пересказывательности не дифференцируется, так как детализации источников на уровне морфологизации не происходит.

На лексическом уровне дифференциации глаголов по источникам информации не происходит, все зависит от именной репрезентации. *Авторизованный источник информации* выражается именами собственными, притяжательной формой существительных и соответствующими местоимениями. *Анонимный источник* представлен нарицательными и

собираемыми именами существительными, неопределенными местоимениями. *Отсутствие источника* предполагает наличие при предикате безличного предложения в составе сложноподчиненных формального подлежащего, выраженного местоимением *it*.

На синтаксическом уровне авторизованный и анонимный источники информации являются субъектами главных в составе сложноподчиненных предложений английского и татарского языков, а также сложнопаянными предложениями татарского языка. *Отсутствие источника* выражается конструкцией Complex Object английского языка, а также в обоих языках безличными главными предложениями в составе сложноподчиненных или сложнопаянных: в татарском языке речь идет о безличной предикативной единице, в английском языке о конструкции It + глагол информирования в страдательном залоге.

Таким образом, на морфологическом уровне источники информации не дифференцируются, выражая общее значение косвенности, вмещающее и содержание категории пересказывательности. На синтаксическом уровне происходит поляризация значений – отсутствие или наличие источника (анонимного или авторизованного). На лексическом уровне в рамках именной репрезентации детализируются источники, относящиеся к категории пересказывательности.

Что касается изоморфных и алломорфных черт хотелось бы отметить следующее. **На лексическом уровне** в обоих языках выделяется примерно одинаковое количество глаголов информирования. В татарском языке глаголы информирования представляют собой дискретные образования – сложные глагольно-именные конструкции с именами существительными *игълан, дэгъва, хэбэр, репортаж, хэбэр*, прилагательным *мэгълумат* и вспомогательными глаголами *итү, ясау*. В обоих языках собственные имена существительные выражают авторизованный источник информации, а категория одушевленности является показателем способности информанта к речевой деятельности. Специфика английского языка заключается в том, что: 1) анонимность маркируется неопределенным артиклем; 2) избыточное выражение конкретности определенным артиклем характеризует названия некоторых СМИ; 3) спектр абстрактных имен существительных, выражающих «порцию» информации, богаче; 4) разграничение информанта и информируемого происходит за счет фиксированного порядка слов, предполагающего дифференциацию субъекта и объекта. В татарском языке главная роль в разграничении информанта и информируемого принадлежит падежному оформлению, а использование числительного *один* в качестве артикля для выражения анонимности реализуется факультативно.

На морфологическом уровне рассматривается роль глагольных временных форм в репрезентации категории пересказывательности. С темпоральной точки зрения, в обоих языках логически доминирующими признаются отношения взаимного предшествования/следования ситуации события и ситуации информирования в полипредикативном комплексе с двумя соответствующими предикатами. В английском языке дифференциация временных планов двух ситуаций происходит благодаря соответствующему темпоральному оформлению глагола, в татарском языке превалирует выражение одной из ситуаций свернутой предикацией. В ходе работы признано наличие эвиденциальной системы татарского языка, характеризующей такими свойствами как бинарная, редуцированная, модализованная, с медиативным показателем широкой семантики, с немаркированным в эвиденциальном отношении противочленом. Эвиденциально маркированная форма перфекта – прошедшего результативного *Нәтижәле үткән заман* (формы на *-ган*) – представляет собой медиативный показатель широкой семантики с грамматикализацией общего значения косвенности, исключающей личную перцептивность. Второй член оппозиции – форма *Билгеле үткән заман* как рассматривается эвиденциально-нейтральной. В татарском языке дополнительно присутствуют: 1) перифрастические формы с временным значением неочевидности действия, обусловленные наличием в структуре вспомогательного глагола *булу*; 2) специальная частица *-дыр/дер* с широким спектром эвиденциальных и модальных значений, позволяющая утверждать о модализации эвиденциальной системы татарского языка. В английском языке можно говорить лишь о наметившейся эвиденциальной стратегии (развитии эвиденциальных значений на базе существующих форм), связанной с категорией перцептивности.

На уровне синтаксиса в английском и татарском языках пересказывательность репрезентуется сложноподчиненными предложениями, а также вводными словами и конструкциями. **Основой языкового выражения** внелингвистической ситуации служит субъектно-предикатно-объектная ситуация. Ситуация, о которой сообщают, представляет собой конкретное событие, ситуация информирования предполагает передачу информации. В обоих языках в сложноподчиненных предложениях главное предложение выражает ситуацию информирования, а придаточное – ситуацию события. В татарском языке наиболее распространенным является выражение пересказывательности спаянными предложениями, в которых причастие на *-ган* или имя действия, подчиняющееся при помощи послесложных слов *турында* и *хакында*,

представляют ситуацию события, а ситуация информирования выражена двусоставной основой главного. В английском языке присутствует конструкция Complex Subject с глаголами речи и информирования в форме страдательного залога *it + the passive*, при котором указание источника информации отсутствует. В английском и татарском языках основным способом выражения пересказывательности являются вводные конструкции. Наиболее распространенными в английском языке признаны конструкции с *according to*. В татарском языке указанием источника информации является вводное слово – *синеңчә*. Различия в языках заключаются в позиции вводящей авторизирующей части по отношению к вводимой информационной части. Категория пересказывательности может репрезентоваться безличными предложениями как главными в составе сложноподчиненных в английском языке и в составе сложноспаянных в татарском языке которых отсутствует логический субъект, источник информации не указан или анонимен.

Таким образом, в ходе рассмотрения категории пересказывательности как компонента поля косвенной эвиденциальности на материале английского и татарского языков выявлены изоморфные и алломорфные черты семантико-синтаксической категории пересказывательности в разных аспектах ее реализации.

Контрольное задание

Заполните карту исследования:

Таблица 1

КАТЕГОРИЯ		
ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ		
ОСНОВА СОПОСТАВЛЕНИЯ		
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ		
	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ		
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ		
СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ		

Таблица 2

	АЛЛОМОРФИЗМ	ИЗОМОРФИЗМ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК		

**ГЛАВА 6. РАЗНОУРОВНЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ
ПЕРЦЕПТИВНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПОЛЯ
ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ**

(на материале английского и татарского языков)

Категория перцептивности является ядерным компонентом поля «прямой» эвиденциальности. Восприятие – это сложная система приёма и преобразования информации, обеспечивающая организму отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире [11, с. 227]. Л. Витгенштейн в своих «Философских исследованиях» обращал особое внимание на такие предметы анализа как визуальное переживание, зрительное впечатление, понятие «видеть», пространственное видение. Осмысление философских аспектов наблюдаемости непосредственно связывается с суждениями о высказываниях типа «*Что ты видишь?*», «*Я вижу это теперь как...*» [12, с. 276-305]. «Взаимодействие субъекта с объективным миром начинается с восприятия человеком предмета или явления. Объективированные в слове накопленные знания являются стержнем сознания. Предметом осознания становятся психические явления, переживания, ощущения и восприятие, опосредованные через объективно данные сознанию предметы, свойства, действия, состояния» [57, с. 103]. В процессе восприятия объективной действительности в чувственной ткани мозга формируется образ, составляющими которого психологи считают: а) чувственную ткань; б) значение как общественный опыт; в) личностный смысл, выражающий пристрастность человеческого сознания. Восприятие – психофизиологический процесс, деятельность человеческого сознания по освоению предметного мира и обладает такими свойствами, как предметность, целостность, осмысленность, константность, функциональность, субъектоцентричность, полимодальность. Восприятие, по замечанию Е.С. Кубряковой, может быть охарактеризовано как промежуточное звено между физическим, материальным миром, существующим вне и помимо человеческого сознания, и его отражением в языковых формах [33].

В лингвистике перцептивностью называют «аспект категории модальности, связанный с отражением действительности через сознание того или иного индивидуума» [24, с. 175]. «Языковые средства, обнаруживающие перцептуальность, – считает С.Г. Ильенко, – подчинены четырем

основаниям, вызывающим неизбежную неадекватность, порождаемую:

- 1) перманентной неполнотой знаний об окружающей действительности,
- 2) спецификой способов постижения окружающей действительности,
- 3) установкой индивидуума на прогнозирование действительности,
- 4) осознанной и неосознанной ориентацией на коммуникат и учет препозиции последнего» [24, с. 75].

Чувственное восприятие, являясь основой когнитивной деятельности человека, осуществляется при помощи пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса [55, с. 132]. Соответственно, зрительное восприятие подразумевает, что говорящий был свидетелем той информации, о которой он говорит, слуховое восприятие указывает на то, что говорящий слышал то, о чем он говорит; перцептуальность, основанная на общих ощущениях подразумевает, что говорящий информирует о том, что не был очевидцем ситуации и что у него нет полной уверенности в достоверности сообщаемого, снимая при этом с себя ответственность за утверждение [24, с. 75]. Как известно, все рецепторы-анализаторы, будучи связаны друг с другом непосредственно через центральную нервную систему, совместно участвуют в восприятии, отображая предметы в их целостности. Перцептивная зона охватывает не только объекты материального мира, можно говорить о направленности перцептивного наблюдения: экстравертного, отражающего окружающий внешний мир, и интравертного, направленного во внутренний мир субъекта оценки. Изучение различных способов восприятия представлено в современных работах по лингвистике, среди которых можно назвать следующие: «Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида» Т.С. Борейко (2006); «Языковая актуализация ситуации восприятия и оценки произведения живописи: на материале английского языка» Т.И. Петуховой (2007); «Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации» Т.М. Матвеевой (2005), «Динамика и прогностика лексико-семантической группы зрительного восприятия в американском варианте английского» И.В. Домбровской (2004); «Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект» И.Ю. Колесов (2009).

Объектом исследования И.Г. Рузина стали лексемы, именующие признаки окружающего мира, воспринимаемые с помощью пяти органов чувств. Модусы перцепции зрения он подразделяет на несколько субмодусов: восприятие света, цвета, формы и размера, исключая из рассмотрения «внеобъектные» визуальные характеристики – положение в пространстве и пространственное перемещение. Понятие тактильности он ограничивает

восприятием качества поверхности и консистенции, исключая характеристики температуры и массы [58].

В лингвистических исследованиях использование идеи наблюдения и непосредственного восприятия представляется весьма продуктивным: вводятся понятия наблюдения и наблюдателя (Ю.Д. Апресян), наблюдателя и экспериента – воспринимающего субъекта (Е.В. Падучева); изучается соотношение перцептивных и неперцептивных высказываний (А.В. Бондарко); исследуются роль перцептора (Ю.А. Пупынин), а также прагматическая задача создания в тексте перцептивности (Я.Э. Ахапкина). Н.Ю. Муравьевой отмечается полевое устройство категории перцептивности – шкала перцептивности соединяет центр и периферию [Муравьева 2008]. Категории перцептивности присущи периферийные, смежные значения.

Целью сопоставительного исследования является выявление изоморфных и алломорфных черт категории перцептивности в английском и татарском языках.

Для достижения указанной цели решены исследовательские **задачи**:

1) проанализированы теоретические аспекты категории перцептивности как компонента функционально-семантического поля эвиденциальности;

2) рассмотрены лексические, морфологические и синтаксические средства выражения категории перцептивности, выявлены изоморфные и алломорфные характеристики двух языков в их выражении;

Категория эвиденциальности рассматривалась в ядерном аспекте ее выражения – категории перцептивности.

Сопоставительный анализ номенклатуры типичных средств реализации категории перцептивности предполагает анализ средств выражения на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Семантическая структура высказываний с реализацией категории перцептивности предполагает наличие ситуации восприятия, репрезентированной: 1) предикатом; 2) актантом субъектного типа Агенса, перцептором. Объектом восприятия/сообщения является глагольно выраженная ситуация, которую представляют: 3) выражающий действие предикат; 4) совершающий действие субъект воспринимаемой ситуации.

Лексический уровень подразумевает исследование семантики глаголов и существительных, задействованных в репрезентации категории эвиденциальности. Непредельность *глаголов восприятия* и исключает внутреннюю логическую законченность ситуаций, допуская только ограничение интервалом времени. При репрезентации *категории перцептивности* отмечается изоморфизм глагольных средств двух языков,

обусловленный двойственной природой процесса восприятия. Двойственность находит отражение на уровне всех способов восприятия и является языковой универсалией, предполагая как сам акт восприятия – *наблюдать*, так и его результат – *воспринимать*. Крайне редко случается *смотреть*, но ничего *не видеть*. Третьей универсалией можно было бы признать наличие глаголов, характеризующих передачу сигналов, однако для кинестетического способа восприятия она неприемлема. Все три вида представлены при аудиальном восприятии *to taste / кабын карау / пробовать*, *to taste / тәмен сизү, тою / оцутить вкус*, *to taste / тәм килү / иметь вкус*. Для английского языка характерна многозначность глаголов восприятия: *to taste* может означать: *отведать, пробовать, дегустировать, вкушать, пробовать на вкус, иметь вкус, оцутить вкус*, т.е. спектр его значений охватывает и действия по восприятию, и сам акт восприятия, и испускание соответствующих перцептивных сигналов. **Лексический уровень** репрезентации перцептивности предполагает в английском языке функционирование однозначных глаголов восприятия наряду с устойчивыми выражениями разной степени грамматикализации. В татарском языке преобладают глагольно-именные конструкции с существительными, обозначающими перцептивные сигналы, органы восприятия при участии вспомогательных глаголов и др.

Морфологический уровень предполагается поиск и выявление временных форм, комбинация которых приводит к репрезентации значения одновременности ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации. **Синхронность перцептивности** означает совпадение интервалов ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации. Характерным является выражение одной временной формой и доминирование форм настоящего времени [Абдрахманова 2015:67]. **В плане прошлого** предпочтительной для выражения синхронности ситуаций является форма Past Simple 80%, при этом наблюдается совпадение с нефиксированным интервалом, характерное для форм Simple. В татарском языке корреляция форм синтаксически ограничена ввиду доминирования неличных форм. Предикаты в формах *Нәтижәле үткән заман* и *Билгеле үткән заман* часто выражают ситуацию восприятия в сложноподчиненных предложениях, в которых воспринимаемую ситуацию репрезентирует имя действия или причастие. **Морфологический уровень** репрезентации перцептивности предполагает оформление одной временной формой исходя из синхронности ситуаций восприятия и воспринимаемой ситуации, выражение которой невозможно имперфектными формами английского языка. В татарском языке корреляция форм синтаксически ограничена ввиду доминирования неличных форм.

I saw how you *looked* at it (G04 3576) [BNC]; Хэзер көзгегә барып *карады*, күрде: үзенең башы кечкенә, сакалы зур *иде* (Насыри).

На уровне синтаксиса в обоих языках категория перцептивности выражается сложноподчиненными предложениями, в которых главное репрезентирует ситуацию восприятия, а придаточное представляет воспринимаемую ситуацию. В английском языке в союзных сложноподчиненных предложениях категория перцептивности выражается союзами *how* и *that*, в татарском языке доминируют бессоюзные сложноподчиненные предложения, подлежащее которых в неполных предложениях восстанавливается через личное окончание глагола.

Эвиденциальная стратегия английского языка реализуется конструкциями сложного дополнения, в которых сенсорные глаголы: 1) образуют большинство; 2) отличаются полной грамматикализацией – отсутствием частицы *to*; 3) употребляются в прямом значении в подавляющем большинстве случаев; 4) сочетаются с формами инфинитива Indefinite и причастия 1, выражающими полноту охвата наблюдаемой ситуации. Данные конструкции можно считать специальными средствами репрезентации категории перцептивности. Конструкция Complex Subject, задействованная в выражении категории эвиденциальности, имеет более широкий спектр функционирования.

Контрольное задание

Заполните карту исследования:

Таблица 1

КАТЕГОРИЯ		
ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ		
ОСНОВА СОПОСТАВЛЕНИЯ		
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ		
	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ		
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ		
СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ		

Таблица 2

	АЛЛОМОРФИЗМ	ИЗОМОРФИЗМ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК		

ГЛАВА 7. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Целью исследования является сопоставительный анализ прагматического потенциала форм футурума в английском и русском языках при их функционировании в речи и выявление изоморфных и алломорфных особенностей.

Для достижения указанной цели были решены **исследовательские задачи:**

- 1) обнаружены характерные черты речевых тактик приказа, обещания и предсказания как реализующих определенные речевые стратегии;
- 2) выявлены общие и отличительные особенности функционирования форм футурума в речевых тактиках приказа, обещания и предсказания в английском и русском языках;
- 3) определены изоморфные и алломорфные характеристики двух языков в их выражении.

В прагматическом аспекте речевые тактики приказа, обещания и предсказания связаны с реализацией модальных значений форм футурума. Прагматические исследования охватывали три уровня:

- 1) прагматический эксперимент;
- 2) анализ материала телепередач;
- 3) анализ примеров художественной литературы.

7.1. Характерные черты речевой тактики приказа

К. Бах рассматривает иллокутивный акт запроса, выражающего отношение *«желаю, чтобы слушающий сделал что-то»*, тогда как отношение слушающего заключается в намерении это сделать [75, с. 66]. По аналогии с моделью К. Баха, иллокутивный акт приказа выражает отношение *«заставить слушающего сделать что-то»*, а предполагаемое слушателем отношение остается таким же: *«намерение это сделать»* [75, с. 66]. Е.А. Шовгенина рассматривает приказ как тип прескриптивного директивного речевого акта, обусловленного служебной позицией прескриптора, дающей ему право наказывать адресата за невыполнение каузируемого действия. Автором выделяются прямые и косвенные речевые акты. Прямой способ выражения приказа заключается в том, что адресант стремится оказать определенное иллокутивное воздействие на адресата путем использования

таких языковых средств, иллокутивная сила которых без труда опознается слушающим: *Ты купишь нам машину*. Директивный речевой акт представлен рядом разновидностей: в зависимости от социального статуса коммуникантов, отношений между ними, обстановки общения т.д. Для описания различий применяются три прагматических признака: а) облигаторность выполнения действия для адресата, б) бенефактивность (выгода) действия для одного из коммуникантов, в) приоритетность положения говорящего или адресата [68, с. 157]. По мнению В.И. Карасика, приказ реализуется в статусно-маркированных ситуациях общения [27, с.77] и характеризуется признаком индикации воли агенса, каузирующего действие. В высказываниях на передний план выступает понятие власти того, кто каузирует действие. Приказ выражает желание говорящего путем информирования и навязывания собеседнику своей воли, заставить совершить то или иное действие для успешного развития ситуации, что обуславливается возможностями и желанием слушающего совершить предписываемое действие. Приказ объективируется через экспликацию воли говорящего использованием императивной формы глагола, перформативного глагола или интонационно в высказываниях будущего времени. Приказ носит отрицательную-оценочную модальность (за исключением военной сферы), т.е. предписанное приказом действие не учитывает интересов слушающего, заставляя его безоговорочно подчиняться, и имеет положительные последствия для говорящего – утверждение его статуса. Речевая тактика приказа используется для достижения коммуникативной цели побуждения к действию.

Следующие характеристики определяют коммуникативную ситуацию приказа:

- 1) основной целью является достижение положительных для говорящего эмоций – подчинение слушающего;
- 2) необходимость выполнения побуждаемого действия не обязательно должна мотивироваться, а может быть навязана говорящим;
- 3) говорящий обладает более высоким статусом по отношению к слушающему.

Используя модель анализа Я.В. Боргер [8], можно выделить дополнительные характеристики. Коммуникативная цель состоит в выражении воздействия на намерения собеседника и демонстрации своего статуса. Интенция говорящего связана с намерением добиться того, чтобы определенное действие было совершено собеседником. Говорящий обладает полномочиями распоряжаться совершаемыми или планируемыми действиями собеседника. Собеседник совершает действие, которое

свидетельствует о его подчинении говорящему. Событийное содержание заключается в том, что реализуется побуждение собеседника к совершению действия. Фактор коммуникативного будущего предполагает обязательную реакцию собеседника.

Е.В. Лобанова отказывается от термина «директивный речевой акт» в пользу термина «побудительный речевой акт». По ее мнению, термин «директивный речевой акт» является категоричным и не терпит невыполнения действия, так как директива (*directive*) – это руководящее указание, распоряжение, приказ [35, с. 5]. Согласно точке зрения Е.В. Лобановой, распоряжение (*directions*) представляет собой руководящее указание и включает следующие когнитивные характеристики: средняя степень категоричности побуждения к выполнению действия; облигаторность выполнения действия для адресата; приоритетный статус говорящего; бенефактивность действия для говорящего. Распоряжение, как и приказ, является инициативным речевым актом говорящего, в результате которого слушающий исполняет действие. Среди элементов пропозиции она выделяет актанта, являющегося Агентивом. В качестве модификатора пропозиции распоряжений ею рассматривается десигнатор будущего времени *will*, при котором прагматическая рамка выражается имплицитно [Там же]. К.С. Неустроев различает категоричные директивные (*directive speech acts*) и мягкие волеизъявительные речевые акты (*will – expressing speech acts*) как разновидности побудительных речевых актов. По его мнению, основным значением приказа (*order*) является обязательное для исполнения официальное распоряжение руководителя или любого другого лица, наделенного какой-либо властью [47, с. 16].

Согласно словарю Лонгман, приказ (*a command or direction, given by a person who has the right to command*) и команда (*an order*) являются синонимами [78]. Формы будущего времени не имеют иллокутивной силы побуждения императивных конструкций как ядерных средств реализации приказа, и, следовательно, выражают его имплицитно и менее категорично, т.е. репрезентируют скорее распоряжение. Отказ подобной детализации приводит к рассмотрению общего понятия приказа для обозначения речевой тактики, включающей основные характеристики без учета степени категоричности. Следовательно, речевая тактика приказа характеризуется индикацией воли говорящего и побуждением к выполнению действия.

7.2. Репрезентация формами будущего времени

Ядерными средствами выражения приказа являются формы императива. Модальные глаголы также задействованы в репрезентации деонтической модальности, выражающей просьбу, совет, приказ, предписание и побуждающей кого-либо к конкретным действиям. И.Н. Рогожникова дает определение деонтической модальности как логико-понятийной категории, в которую входят частные категории «возможности», «действительности», «необходимости» [56]. В английском языке сохранение семантики *will* в составе форм будущего времени определяет наличие модальных оттенков. Прагматика и модальность не всегда четко дифференцируются. Прагматический потенциал форм футурума затруднительно определить без обращения к акту коммуникации.

Формы будущего времени рассматриваются в сочетании с местоимениями второго лица как средства выражения косвенной или имплицитной речевой тактики приказа. Главная роль принадлежит интонации и прагматическим условиям реализации коммуникативной ситуации, так как перформативный глагол отсутствует.

Структура высказываний [*I order*] *you will buy some bread* / [*Я приказываю*] *ты купишь хлеба*.

Речевой акт приказа является средством реализации речевой тактики приказа и имеет такие разновидности как команда, указание и директива. Он относится к побудительным речевым актам, к директивам и к прескриптивам. Речевая тактика приказа характеризуется индикацией воли говорящего и побуждением к выполнению действия.

Прагматический эксперимент. Для анализа частотности функционирования форм футурума были предложены карточки с описаниями трех ситуаций, провоцирующих использование речевой тактики приказа.

В эксперименте участвовали 41 респондент с английским языком и 47 – с русским языком. Время проведения опроса было приурочено к периоду проведения субботников, для которого типичны предложенные ситуации. В таблицах 1 и 2 приведены полученные в результате экспериментов данные для английского и русского языков, которые не претендуют на статус статистических, а отражают только количественное соотношение больше/меньше.

Ситуация 1 А. You are appointed a senior or a chief for conducting works in thy classroom. Students should: wash the windows, clean the floor, wipe the dust.

What would you say to three students to make them do this work? You have to address personally every student.

Таблица 1

Данные английского языка по речевой тактике приказа

Англоговорящие студенты	Иностранцы – 15 чел.	Россияне – 26 чел.
реплики с модальными глаголами <i>must</i> и <i>should</i> , типы <i>You must / should clean the classroom.</i>	5	23
реплики с императивными конструкциями типа <i>Clean the window! Let's clean the window!</i>	5	1
реплики с Future Indefinite <i>You'll clean the window.</i>	2	2
другие варианты	3	

Ситуация 1 В. Пришел куратор группы и назначил Вас старшим за проведение субботника. Необходимо: помыть окна, помыть пол, вытереть пыль со шкафов. Что Вы скажете трем студентам из группы для выполнения заданий?

Таблица 2

Данные русского языка по речевой тактике приказа

Русскоговорящие студенты	30 чел. – 1 курс	17 чел. – магистры
Реплики с формой будущего времени <i>Алмаз помоем пол, я вытру пыль, ты помоешь пол.</i>	6	5
Реплики с модальными глаголами типы <i>Ты должен помыть.</i>	4	2
Реплики с императивными конструкциями типа <i>Помой! Протри!</i>	20	3
Реплики в форме настоящего времени: <i>Первый моет, второй протирает.</i>	0	4
Другие варианты	0	3

Императивные конструкции имплицитно указывают статус говорящего, навязывают его: *Я так говорю, потому что я имею такой статус.* В эксперименте с русскоговорящими студентами статус магистров был детерминирован возрастом. Формы будущего времени только в коммуникативных ситуациях с однозначным статусом говорящего воспринимаются как приказ, так как их иллокутивная сила заключается в побуждении к действию и, отчасти, в подчинении воле говорящего. В русском языке доля использования форм футурума в репликах приказа выше

23% по сравнению с 10% в английском языке [45, с. 78]. В английском языке функционирует только Future Indefinite, в русском языке преобладает будущее совершенное 72%.

7.3. Характерные черты речевой тактики обещания

Развернутую схему речевого акта обещания / speech act of promise предлагает Дж. Сёрль [60]. Схема речевого акта обещания, согласно его точке зрения, выглядит следующим образом: «Пусть говорящий S произносит предложение T в присутствии слушающего H , тогда при произнесении T S искренне обещает H , что p , если и только если соблюдаются следующие условия» [60, с. 67–72]. В речевом акте обещания, по мнению Дж. Сёрла, соблюдаются условия нормального входа и выхода [60].

Условия пропозиционального содержания: S при произнесении T выражает мысль, что p . Выражая мысль, что p , S преддицирует будущий акт говорящему S .

Условия подготовительные: H предпочел бы совершение говорящим S акта A несовершению говорящим S акта A , и S убежден, что H предпочел бы совершение им акта A несовершению им акта A ; ни для S ни для H не очевидно, что при нормальном стечении обстоятельств S совершит A .

Условие искренности: S намерен совершить A .

Существенное условие: S намерен с помощью высказывания T связать себя обязательством совершить A ; S намерен вызвать у H посредством произнесения T убеждение в том, что предыдущие условия имеют место благодаря опознанию им намерения создать это убеждение. Из этого множества условий совершения акта обещания Дж. Сёрл выводит пять семантических правил, индексирующих иллокутивную силу обещаний [60, с. 73].

Пять правил произнесения речевого акта обещания включают следующие:

1. Правило пропозиционального содержания: только в контексте предложения T , произнесением которого преддицируется некий акт A говорящему S , который он совершит в будущем.

2. Подготовительное правило: только если слушающий H предпочел бы, чтобы S совершил действие A , вместо несовершению им A .

3. Подготовительное правило: для говорящего S не очевидно, что при нормальном стечении обстоятельств слушающий H совершит A .

4. Правило искренности: только если H намерен совершить A .

5. Существенное правило: только если произнесение Pr считается принятием обязательства совершить A.

Р.А. Юрьев указывает на конвенциональную природу обещания, продиктованную общественной пользой при отсутствии естественно-рационального источника. «Ситуация обещания представляет собой парадокс тогда, когда мы пытаемся объяснить генезис обязательства из обещания» [70]. В.В. Оглезнев в своей статье «Обещание, условие искренности и речевые акты» детально разбирает «слабые места» в подходе Сёрла – Юрьева, главный недостаток которого заключается в следующем: из условия «*S* намерен совершить *A*» следует правило «Обещание должно произноситься, только если *S* намерен совершить *A*». Но всегда ли соблюдается принцип искренности? [49]. И. Эгнер, исследуя различия западноевропейских (в широком смысле) и африканских языковых культур на примере речевого акта обещания, приходит к выводу о различиях в условиях успешности. Для африканца из обещания не следует обязательства или даже предполагаемой способности совершить действие. И. Эгнер называет подобные виды речевых актов «вежливыми обещаниями» (*polite promises*) [76].

По мнению Э.А. Былиной, обещание является положительной ответной реакцией на некоторый речевой акт, когда инициатору беседы выгодно выполнение действия, к которому он побуждает собеседника. Они используются для реагирования на речевые акты: жалобу, утверждение, сообщение, просьбу, приглашение, запрос, позволение, запрет, упрек, совет, приказ, заявление, предложение, предостережение, угрозу [10]. Тактика обещания употребляется в стратегиях убеждения или переубеждения в качестве отрицательной реакции коммуниканта с целью изменить ситуацию в благоприятную для себя сторону.

Согласно О.В. Гашевой, цель речевого акта обещания – это реализация бенефактивной интенции говорящего, которая заключается в принятии им обязательства выполнить действие в пользу адресата [16].

Обещания эксплицируются перформативными глаголами. Формы будущего времени как ядерные средства реализации обещания выражают его имплицитно и имеют соответствующую иллокутивную силу. Отказ от подробной детализации видов обещания предполагает использование общего понятия обещания для обозначения речевой тактики, включающей основные характеристики. Следовательно, речевая тактика обещания характеризуется принятием обязательства выполнения действия с целью завоевания благоприятного отношения.

Репрезентация формами будущего времени. По мнению А.Р. Залегдиновой, в английском языке, который относится к аналитическому типу, невозможно выражение прямого обещания с помощью односоставных определенно-личных предложений ввиду отсутствия личных форм глагола. «В русском и английском языках обещание формируется только с помощью глаголов в будущем времени, при этом в абсолютном большинстве случаев прямое обещание содержит указание на субъекта в первом лице единственного или множественного числа» [23]. Аналогичную точку зрения высказывает Е.В. Лухина: «Тактика обещания на речевом уровне чаще всего манифестируется формами будущего времени глаголов совершенного вида» [38]. Пропозициональное содержание комиссивов рассматривается как будущее действие говорящего [45]. Н.М. Колоколова пишет, что при прямом способе выражения промиссива, модель состоит из протазиса, содержащего перформативный глагол, и аподозиса, представленного либо временами индикатива, либо инфинитивом [31].

В английском языке прототипической конструкцией для выражения обещания признается перформативная конструкция с глаголом *promise* и инфинитивным оборотом. Конструкция, состоящая из личного местоимения первого лица единственного числа и смыслового глагола в Future Indefinite, может служить для выражения обещания при условии, что реализуются основные признаки прототипической ситуации обещания.

Речевой акт обещания является средством реализации речевой тактики обещания и имеет свои разновидности. Он относится к комиссивным речевым актам, к промиссивам. Формы футурума в сочетании с местоимениями первого лица являются имплицитными средствами выражения речевой тактики обещания. Главная роль принадлежит интонации и прагматическим условиям реализации коммуникативной ситуации, так как перформативный глагол отсутствует.

Структура высказываний: [*I promise*] *I will buy some bread* / [*Я обещаю*] *Я куплю хлеба.*

Анализ материала телепередач. Для английского языка в работе представлен подробный анализ двух выпусков программы с сайта *you tube* «Extreme Weight Loss» (данная программа с переводом на русский язык транслируется по каналу «Ю»). Идентичная программа «Взвешенные люди» рассматривается на русском языке. Интерес представляет то, что аналогичные по содержанию, но отличающиеся по структуре программы, предполагают одинаковый набор речевых ситуаций: общение с тренером, предсказания и команды тренера, «голос за кадром», предвосхищающий события, самопрогнозы участников, предсказания тренером успехов

участников и предсказания участниками судьбы покидающих проект. Таким образом, имеется возможность не только проследить за использованием речевых тактик приказа, предсказания и обещания, но и сравнить их количественно и качественно в одинаковых коммуникативных ситуациях, таких как общение с тренером в зале, мнение тренера о будущей судьбе участника. Выбор материала исследования обусловлен четырьмя факторами:

- 1) это современное телешоу;
- 2) это реалити-шоу, предполагающее свободную речь участников;
- 3) это типичные представители современного общества без учета социальных критериев отбора;
- 4) доступность материала для анализа и проверки представленных результатов в интернете.

Обещания главного тренера адресованы зрителям [(1)]. Участники высказывают обещания самим себе как стимул к достижению результата, как, например, участник Дэвид [(2)]. Ю. Ковальчук, ведущая, обещает участникам проекта полное изменение их уклада жизни [(3)]. И. Турчинская, первый тренер, дает обещание выбранному ею в команду игроку, чтобы завоевать его симпатию к себе [(4)]. Участники дают обещания друг другу и самим себе после взвешивания [(5)].

(1) К. Пауэл, тренер: *I promise / he will lose this weight // (6/2[54:21].*

(2) Дэвид, участник: *I'll never come back without loosing my weight // (5/1[48:16].*

(3) Ю. Ковальчук, ведущая: *Я обещаю / все будет по-другому // (1[07:23].*

(4) И. Турчинская, первый тренер: *Мне будет нелегко с тобой / но я сделаю все необходимое // (1[10:51].*

(5) Участник Жанна: *Я буду выкладываться на сто процентов // (1[12:34].*

Таким образом, по данным анализа материала телепередач в русском языке доля использования форм будущего времени демонстрирует низкую частность в русском языке (24%) по сравнению с английским языком (39%).

7.4. Характерные черты речевой тактики предсказания

Для предсказаний характерно:

- 1) на фонетическом уровне присутствие соответствующей интонации как имплицитного средства предостережения при отсутствии перформативного глагола;

2) на лексическом уровне эксплицирование лексическим значением слова, содержащего превентивный компонент (*осторожно*);

3) на морфологическом уровне наличие формы индикатива третьего лица будущего времени, превентивная значимость которого реализуется в ситуации предсказания;

4) на синтаксическом уровне оформление сложноподчинённым предложением с перформативным глаголом в составе главного.

Предсказание основано на предвидении как способности узнавать возможный исход какой-либо ситуации на базе жизненного опыта, логических умозаключений или интуиции.

По мнению А.А. Мальцевой, «референтный сдвиг» является основным когнитивным механизмом, который обуславливает неопределенность семантики профетических текстов, способствует закреплению за ними такой определяющей черты, как полисемантность. Прагматический аспект в отношении профетических текстов является основным [40]. В нашем понимании референтный сдвиг предполагает отнесение временной референции к будущему периоду. А.А. Князева пишет, что прагматическое манипулирование реализуется при помощи прогностических текстов и связано с выполнением ими рекламной и информативной функций. Автором рассматриваются: 1) монотематические и малоформатные тексты метеорологических прогнозов и гороскопов, информационной доминантой которых являются дейксисы места, времени и погодных условий, а прагматические функции определяются целевой аудиторией как развлекательная и информативная; 2) политематические футурологические тексты предсказания будущего, основными прагматическими функциями которых являются информативная и инструктивная [29].

Общее понятие предсказания использовано для обозначения речевой тактики предсказания, включающей основные характеристики, а также отдельно рассматриваем предсказания погоды в письменных источниках. В работе рассматриваются формы будущего времени в сочетании с местоимениями третьего лица или существительными как средства выражения имплицитной речевой тактики предсказания. Интонация и прагматические условия реализации коммуникативной ситуации играют решающую роль, так как перформативный глагол отсутствует.

Таким образом, речевая тактика предсказания реализует информативную и инструктивную функции.

Структура высказываний [*I predict*] *winter will be cold* / [*Я предсказываю*], *что зима будет холодной*.

Ситуация предсказания является превентивно-констативной. Речевая тактика предсказания реализует информативную и инструктивную функции.

Анализ примеров из художественных произведений. В обоих языках в качестве объекта предсказания произвольно выбрано будущее земли в возможных интерпретациях данного понятия. В английском языке в предсказаниях будущего земли имеются в виду конкретные земельные участки *all that part / вся та часть земли* [(1)]. В русском языке выявлено значительно больше примеров – 22 высказывания с основой *земля станет*, из них только одно в диалоге [(2)].

(1) – *All that part will be friendly to us and hateful to our enemies* (C.S. Lewis. *The Chronicles of Narnia. Prince Caspian*).

– *Эта земля будет помогать нам, а не нашим врагам* (К.С. Льюис. *Хроники Нарнии. Принц Каспиан* (Г. А. Островская)).

(2) – *Так неужто, братец ты мой, ежели теперича снять мне сапог, земля станет родить больше?* — недоумевал после этого разговора наш простодушный собеседник (В. Г. Короленко. *В голодный год*).

В обоих языках количественные показатели в обоих языках низкие и составляют не более 2 – 5 примеров (примерно 5%).

При проведении сопоставительного анализа прагматического потенциала временных форм двух языков было выявлено совпадение количественных показателей по трем видам речевых тактик, полученных в результате проведения прагматического эксперимента, анализа материала телепередач и примеров из художественных произведений.

В обоих языках формы будущего времени в сочетании с местоимениями соответствующего лица являются имплицитными средствами выражения речевых тактик приказа, обещания, предсказания при доминирующей роли интонации и прагматических условий коммуникации. В практически соотносимых коммуникативных ситуациях в русском языке формы футурума употребляются чаще, а по всем показателям доминирует форма будущего совершенного. В английском языке формы будущего времени встречаются значительно реже, преимущественно используется форма *Future Indefinite*, хотя и встречаются и *Future Continuous*, и *Future Perfect*. *Future Perfect* редко функционирует в речевых тактиках обещания, приказа и предсказания без участия неглагольных средств. Наличие значения предшествования предполагает временную координацию двух действий, а

сразу обещать, приказать или предсказать два действия с их взаимным порядком достаточно сложно с онтологической точки зрения.

При реализации речевой тактики приказа и предсказания в обоих языках количественный показатель функционирования форм будущего времени совпадает. В репликах обещания в английском языке доля использования форм будущего времени ниже по сравнению с русским языком. В русском языке обещания в форме будущего несовершенного носят долгосрочный характер или выражают готовность говорящего выполнять какое-либо действие в течение долгого периода времени. Обещания в форме будущего совершенного носят спонтанный характер или подразумевают, что нужно непосредственно приступить к их осуществлению.

Хотелось бы отметить, что алломорфизм наблюдается не только в функционировании форм футурума в реализации речевых тактик приказа, обещания и предсказания, но и в использовании данных тактик в одинаковых речевых ситуациях носителями английского и русского языков. В одинаковых речевых ситуациях – добиться решения ситуации в свою пользу – носители английского языка предпочитают тактику оправдания, а носители русского языка более широко используют речевую тактику обещания (акцентация эмоциональной стороны без разбирательства фактов). В ситуациях стимулирования деятельности носители английского языка предпочитают стратегию и тактику кооперации, а носители русского языка чаще используют речевую тактику приказа (акцентация эмоциональной составляющей – навязывание своей воли и нагнетание психологических факторов без учета комфортных условий коммуникации). В ситуациях положительного прогнозирования англоговорящие предпочитают тактику акцентирования неизбежности предсказаний в силу обстоятельств (модальные глаголы), а носители русского языка применяют речевую тактику обещания (эмоциональная составляющая веры в светлое будущее, которое не может быть «темным»).

Контрольное задание

Заполните карту исследования:

Таблица 1

КАТЕГОРИЯ		
ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ		
ОСНОВА СОПОСТАВЛЕНИЯ		
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ (морфологический уровень – формы будущего времени)		
Речевые тактики	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
ПРИКАЗ		
ОБЕЩАНИЕ		
ПРЕДСКАЗАНИЕ		

Таблица 2

ТАКТИКА ПРИКАЗА		
	АЛЛОМОРФИЗМ	ИЗОМОРФИЗМ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК		

Таблица 3

ТАКТИКА ОБЕЩАНИЯ		
	АЛЛОМОРФИЗМ	ИЗОМОРФИЗМ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК		

Таблица № 4

ТАКТИКА ПРЕДСКАЗАНИЯ		
	АЛЛОМОРФИЗМ	ИЗОМОРФИЗМ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК		

ГЛАВА 8. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

8.1. Категория числа имени существительного

Квантификация в языке реализуется по пути конкретизации количественной информации – от формальной первичной категоризации до конкретной вторичной детерминации посредством лексических средств. *Первичная количественная актуализация* реализуется морфологическими средствами (включая аналитические конструкции) в пределах глагольной и именной синтагм. Первичная квантификация оперирует двумя категориями и зиждется на формальной оппозиции множественности и единичности. *Вторичная количественная актуализация* предполагает привлечение лексических средств. В данной главе рассматриваются средства выражения квантификации во французском и татарском языках в сопоставительном плане и в зависимости от их репрезентации темпоральной или пространственной квантификации.

Первичная квантификация реализуется морфологической *категорией числа* (далее КЧ). Г.И. Архипкина пишет, что «категория числа – это не механическое представление количественных отношений, существующее в онтологическом пространстве, а результат креативной деятельности человека по отношению к действительности и языку. Выбор формы числа – это явление концептуального плана. Грамматическое число – категория с сильной интенциональностью» [3]. Б.Т. Танеев называет «количественным парадоксом» случаи превосходства формы единственного числа над множественным, что характерно, например, для арабского языка с его неправильным, «разбитым» множественным числом [62].

Следующие характеристики КЧ признаются общими для английского и татарского языков:

- 1) бинарная по количеству внутренних оппозиций;
- 2) содержательная, объективная по отраженности во внелингвистической действительности;
- 3) формоизменяемая по соотносительности грамматической категории и класса слов (*classe – classes; урындык – урындыклар*);
- 4) лексико-грамматическая для исчисляемых существительных.

По мнению Б. Тошовича, КЧ является:

- 1) к्लюзивной, т.е. выступает как неувеличиваемое подмножество;
- 2) манифестационной, т.е. отличающейся формальным выражением;

3) дифференциальной или модификационной, так как единицу одной категории можно инфильтровать в другую подкатегорию;

4) квантитативно-экслюзивной, потому что ее первичная задача – отражать количественные связи.

Иногда выделяет в категории числа три оппозиции:

- 1) множественность/немножественность,
- 2) единичность/неединичность,
- 3) континуальность/неконтинуальность.

8.2. Изучение КЧ существительных английского языка

Изучение КЧ существительных английского языка на современном этапе представлено многочисленными сопоставительными исследованиями, свидетельствующими в пользу универсальности категории квантификации. М.А. Бирюкова, исследуя средства представления плюральности, приходит к выводу об их идентичности. «Ядро микрополя образуют формы множественного числа существительных. В русском и английском языках поле содержит слова с компонентами *много-*, *many-*; *поли-*; *poly-*; *multi-*; личные, притяжательные и указательные местоимения; личные формы глагола во множественном числе; существительные, относящиеся к разряду *pluralia tantum*» [6]. Л.Ш. Малыхина пишет, что КЧ существительных в английском языке является бинарной, «именной», семантической и полифункциональной, так как в контексте проявляет себя стольким разнообразием функций [39]. Е.В. Поликарпова отмечает выделительную функцию КЧ: «В английском языке число выражается морфологически лишь в существительном и четко выделяет его на фоне других частей речи» [52]. Е.И. Букреева исследует значения единичности: 1) категориальное значение представленности денотата в одном экземпляре, но принадлежащем целому классу; 2) более абстрактное значение – название класса в целом, рассматриваемого как совокупность дискретных единиц; 3) значение «каждый представитель класса» [9]. Н.В. Колесник проводит исследование КЧ в аспекте когнитивной картины мира в английском и русском языках на материале слов *money* и *деньги* [30]. Значения слов количественной семантики английского языка анализируются Е.Б. Лежневой, которая заявляет, что неопределенное количество может приобретать оттенки: 1) отсутствия: *not, no, without, un-, in-, im-, ir-, dis-, -less*; 2) недостатка: *lack, not enough, almost no, not much, not very, not very much, not completely, less*; 3) предельного наполнения: *complete (-ly), full of, to a certain degree, total*; 4) превышения нормы: *a lot, many, much, rather*; 5) предпочтения: *rather than*;

6) значительного превышения нормы: *very, extreme (-ly)*; 7) избытка: *too, too much, too many, excessive (-ly), beyond limits, more, than is necessary*; 8) несоответствия: *more, than*; 9) навязчивого проявления признака: *always, continually, continuously* [34].

В английском языке каждое существительное формально выступает в одной из грамматических форм КЧ. Если имя существительное не имеет формы множественного числа, то оно рассматривается в форме единственного числа, т.е. формальная оппозиция «единственное число – множественное число» всегда присутствует. Обязательность выражения КЧ состоит в том, что она выступает как элемент определенной, навязываемой говорящему на английском языке категории, которая не может свободно выражаться только в соответствии с коммуникативным замыслом говорящего [51, с. 135]. Обязательность выражения КЧ отражает способ концептуализации действительности в английском языке.

Кроме формальной функции КЧ характеризуется содержательной функцией, которая сводится к количественной актуализации и имеет узкую сферу применения, охватывая нарицательные, дискретные, конкретные имена существительные. Отсутствие формальной синтаксической функции исключает согласование в числе между главными членами предложения *The young boys / boys listen to the radio*.

8.3. Изучение КЧ существительных татарского языка

Изучение КЧ существительных татарского языка связано со стремлением объяснить нерегулярность ее выражения. Спорным вопросом употребления аффикса *-лар* в современном татарском языке посвящена статья И. Низамова «Көн тәртибендә – бер кушымча» [48]. *Первая точка зрения* канонизирована в грамматике татарского языка под редакцией М.З. Закиева и указывает на наличие морфологической КЧ как паритетно-синтагматически и морфологически выражаемой [63, с. 37]. *Вторая точка зрения* состоит в полном отказе от признания КЧ. С.Д. Кацнельсон пишет, что существительное не несет никакой информации о количественной характеристике обозначаемых предметов [28, с. 27-35, 73-77]. В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, разделяя мнение об индифферентности имени существительного к количественным характеристикам в тюркских языках, анализируют высказывание *Без кичә агач утырттык*, которое может быть по-разному интерпретировано в следующих ситуациях: 1) *Без кичә (биш, күп, аз) агач утырттык / Мы вчера посадили (пять, много, мало) несколько деревьев*; 2) *Без кичә (бер) агач утырттык / Мы вчера посадили (одно)*

дерево; 3) *Без кичә агач(лар) утырта идек / Мы сажали деревья»* [18]. Третья группа лингвистов придерживается новой концепции, представленной в работах В.А. Плунгяна. «Единственный, конфликтный случай был бы, если бы в языке обнаружился, хотя и аффиксальный, но все же необязательный носитель «сильного» грамматического значения» – «если вообще возможна» такая ситуация [51, с. 135]. Необязательность выражения КЧ он объясняет имплицативной реализацией данной категории (наличие одной категории, например, эвиденциальности, тем самым имплицитно подразумевает отсутствие другой, например числа). Им отмечается необходимость учитывать взаимодействие грамматических категорий друг с другом как важный дополнительный фактор, влияющий на способ описания самых основных понятий. Количественная неохарактеризованность объекта свидетельствует о его нереферентности. Отсутствие аффикса множественного числа не имеет определенного значения, просто оно может выражать грамму другой категории и в силу этого не может обслуживать свои законные значения [51, с. 288]. Г.Ф. Лутфуллина предлагает рассматривать форму существительного *йорт* как немаркированную или нулевую форму множественного числа в словосочетании *биш йорт* (по аналогии с существующей в русском языке формой множественного числа, омонимичной форме единственного числа родительного падежа для выражения конкретного количества, меньшего *четырёх*: *две книги = нет (чего?) книги*. Возникает возможность рассмотрения словосочетаний данного типа как реализацию традиционного средства связи – изафета 1: *таш йорт = биш йорт*, что объясняется сильной субстантивированностью числительных Num=N, в пользу чего свидетельствует наличие у них категории числа, падежа: *бишкә, бишне, бишләр*. По ее мнению, выражение КЧ существительных связано с доминирующим средством синтаксической связи. Г.Ф. Лутфуллина также обращает внимание на феномен использования формы единственного числа прямого дополнения при предикатах действия. «В татарском языке не происходит индивидуализации актанта-объекта в соответствии с количеством ситуаций». «Имплицативная реализация граммы числа актанта-объекта при предикатах действия составляет одну из особенностей выражения и носит контекстуально обусловленный характер» [36, 37]. Р.Н. Гаряев рассматривает «четвертый, безаффиксальный способ, или форму с нулевым показателем, больше известную в лингвистической литературе как форма единственного числа, стилистический потенциал которой характеризуется широким спектром эмоционально-экспрессивных значений» [15]. Особенности употребления КЧ в произведениях татарских писателей и поэтов исследуются в работе

И. Б. Башировой «История татарского литературного языка: конец 20 века – начало 21 века» [5, с. 13-19]. По ее мнению, формы числа в художественных произведениях приобретают ряд окказиональных значений и стилистических нюансов.

Нерегулярность определяет технику описания выражения КЧ, т.е. является формальным свойством. К существительному в первую очередь присоединяется аффикс числа *-лар / -ләр*, который выражает неопределенное множество и является модальным, т.е. представляющим отношения между действительностью и говорящим [63, с. 12].

Категория числа татарского языка характеризуется содержательной и формальной синтаксической функцией согласования в числе главных членов предложения, которая «не регулярна»: *Кечкенә бала / балалар мәктәпкә китте*, – окончание *-ләр* у предиката необязательно, хотя часто встречается.

8.4. Категория числа глаголов в английском языке

Категория числа глаголов в английском языке имеет ограниченную сферу выражения. Число выражается непосредственно в глагольных формах только в следующих случаях: 1) посредством окончания *-s / -es* в 3-ем лице единственного числа Present Simple, кроме модальных глаголов; 2) формами глаголов *to be* и *to have*; 3) во всех сложных глагольных формах, образуемых при помощи глагола *to be* или *to have*. Р.А. Гусейнова поддерживает распространенную точку зрения о противопоставлении единственного и множественного числа глагола в форме третьего лица Present Simple [19]. История английского языка свидетельствует, что древнеанглийский язык имел категорию числа глаголов, но она со временем утратилась [43]. По мнению Н.Г. Мингазовой, в английском языке КЧ является остаточной категорией, так как она выражена слабо и синтаксически обусловлено [43]. Глаголы получают соотнесенность к числу только через подлежащее.

Категория числа глаголов в татарском языке не раз становилась объектом изучения представителей казанской лингвистической школы. Суффиксы *-лар / -ләр, -нар / -нәр* татарских глаголов идентичны суффиксам множественного числа существительных. Имена действия обладают номинативным элементом категории числа (*сикерүләр, йөрүләр, эзләнүләр*), а личные глаголы (*сикерәләр, эзләнәләр, йөреләр*) указывают на множественность субъектов действия. Р.Ф. Фаттахова пишет, что «зависимость глагольного слова от подлежащего проявляется в согласовании в числе, что характеризуется рядом особенностей. Аффикс *-лар* выполняет функции: 1) словоизменительную, выражая количественные отношения;

2) лексико-грамматическую, изменяя лексическое значение и выражая новый смысловой оттенок; 3) эмоционально-волевою, придавая речи экспрессивно-стилистические нюансы; 4) структурно-организующую, участвуя в согласовании сказуемого с подлежащим в числе» [65, с. 15]. В последнее время исследователями отмечается чрезмерное, порой неуместное употребление аффикса *-лар* в речи. Р.Ф. Фаттахова утверждает, что эта тенденция обусловлена несколькими причинами: 1) «результатом интерференции русских существительных на татарский язык (*каникулы* – *каникулар*, *выборы* – *сайлаулар*, *туфли* – *туфлиләр*); 2) стремлением подчеркнуть раздельность каждого составляющего элемента этой множественности или указать на сорто-видоразличительную множественность; 3) желанием усилить значение высказываемой мысли, придать речи стилистическую выразительность, коммуникативную направленность» [65, с. 15].

Р.Н. Гаряев пишет, что в синтаксисе ряда тюркских языков согласование подлежащего и сказуемого в числе отсутствует в безлично-пассивных конструкциях, так актуализируется факт неизвестности, кем совершается действие: *Хатлар жибәрелде / Письма отправлены*. Формально-грамматическое подлежащее *хатлар / письма* принимает форму множественного числа, а сказуемое *жибәрелде / отправлено* – форму единственного числа. Р.Н. Гаряев отмечает синкретичную природу происхождения аффикса множественного числа *-лар*, который образовался путем постепенного наращивания древних однофонемных показателей множественности и неопределенности по мере утраты значения каждого предыдущего показателя: *-л* (древнейший общеалтайский показатель множественного числа) + *-а* (показатель неопределенности и множественности) + *-р* (древнейший общеалтайский показатель множественного числа): *-л-а-р* [15]. Р.Т. Камалова указывает на то, что элиминация подлежащего распространена в татарском языке в силу четкой дифференциации личных форм, особенно КЧ [26]. Н.Г. Мингазова считает, что в татарском языке координация подлежащего и сказуемого продиктована смыслом и стилистическим нюансом, передаваемым предложением: *Кошлар жылы яктарга очып киттеләр / китте*. Если речь идет о раздельном множестве предметов или лиц, то употребляется множественное число глагола-сказуемого, если сообщается собирательное множество, то – единственное число. В.Х. Хангильдин пишет, что «глагол-предикат согласуется с субъектом, выраженным конкретным существительным, во множественном числе реже, чем в единственном» [67, с. 75-79]. Н.Г. Мингазовой предлагается следующее объяснение феномена отсутствия

согласования. В древних тюркских языках, в том числе и в древнем татарском языке, аффикс *-лар* употреблялся крайне редко, а если и употреблялся, то выражал собирательность. Различение единственного и множественного числа было чуждо его носителям. Можно предположить, что традиция восприятия множества как некой нечленимой совокупности сохранилась и в современном языке, поэтому согласование представляется излишним [43].

Таким образом, КЧ существительных в английском языке характеризуется обязательностью формального выражения, в татарском языке отличается «необязательностью» выражения. Выражение КЧ глаголов в английском языке ограничено вспомогательными глаголами *to be* и *to have*, формой *Present Simple*. В татарском языке выражение КЧ глаголов носит нерегулярный характер, объясняемый свойствами множества.

8.5. Средства выражения

В английском языке в письменной речи КЧ выражается следующими способами: 1) агглютинацией (присоединением окончания к форме единственного числа) *table – tables*; 2) внутренней флексией *travail – travaux*; 3) супплетивизмом *oeil – yeux, homme – gens*.

В агглютинативном татарском языке аффиксы образуют простую синтетическую форму. Согласно классической грамматике татарского языка различаются соединительные и модальные аффиксы в зависимости от их роли в образовании речи. Соединительные аффиксы устанавливают разнообразные отношения между понятиями, к ним относятся падежные, притяжательные, деепричастные, причастные аффиксы и аффиксы сказуемости [63, с. 12]. Модальные аффиксы выражают отношения между говорящим и действительностью (т.е. модальное отношение в широком смысле этого слова), к ним относятся аффиксы наклонения, времени, степени прилагательных и глагольного залога, лица-числа, отрицания, субъективной оценки. *Аффикс категории числа классифицируется как модальный*, хотя в составе сказуемого аффикс *-лар* выражает 3-е лицо, множественное число.

В татарском языке аффикс *-лар/-ләр* множественного числа выражает неопределенное множество. Форма единственного числа морфологических показателей не имеет, является нейтральной и часто употребляется в обобщенно-собирательном значении. В парадигме существительного за исходную форму принимается форма единственного числа основного падежа. Словоформы *юл* и *юллар* составляют частную парадигму с противопоставлением форм единственного и множественного в рамках

общей категории числа. В татарском языке полная парадигма состоит из двух или более частных парадигм. Частная парадигма КЧ может объединяться в полную парадигму с формами принадлежности.

	Единственное число	Множественное число
1 лицо	<i>юлым, юлларым</i>	<i>юлыбыз, юлларыбыз</i>
2 лицо	<i>юлың, юлларың</i>	<i>юлыгыз, юлларыгыз</i>
3 лицо	<i>юлы, юллары</i>	<i>юллары, юллары</i>

В татарском языке граммема числа как и все морфологические категории является *формоизменяемой*. В составе категорий принадлежности и сказуемости она относится к *синтагматически оформляемым морфологическим категориям*, формантами которых выступают словосоединительные аффиксы. Синтагматическим называется такое оформление морфологических категорий, при котором слово получает свою форму в зависимости от другого. Вне категорий принадлежности и сказуемости КЧ рассматривается как несинтагматически (модально) оформляемая морфологическая категория.

Агглютинативный строй татарского языка предполагает однозначность стандартных аффиксов, следующих друг за другом в определенной иерархической последовательности [Ярцева 2000:17]. В татарском языке, как и во всех тюркских языках, к имени существительному *в первую очередь присоединяется аффикс множественного числа*, затем – притяжательный аффикс, затем – падежный.

Изоморфизм двух языков заключается в унифицированном выражении категории числа, т.е. во английском языке преимущественно употребляется флексия *-s*, а в татарском языке флексия *-лар*. **Алломорфизм** обусловлен различиями функционирования КЧ. Особенности английского языка проявляются в том, что наряду с унифицированным выражением КЧ существуют и другие средства. Агглютинативный строй татарского языка часто исключает возможность изолированного употребления аффикса КЧ, в большинстве случаев он выступает в комбинации с аффиксами других морфологических категорий. В татарском языке флективное выражение КЧ исключается при наличии количественных лексических конкретизаторов: *биш бала, күп бала*.

8.6. Объем функций

Категория числа может выполнять в языке две функции. **Первая содержательная функция** сводится к количественной актуализации имен существительных и имеет узкую сферу применения, охватывая лишь нарицательные, дискретные, конкретные имена существительные. **Вторая функция КЧ** – это формальная синтаксическая функция согласования в числе как в пределах именной группы, так и между главными членами предложения. Это функция позволяет рассматривать КЧ как средство образования синтаксической структуры предложения. В английском языке в именной и предикативной синтаксических группах согласование отсутствует: *The young boys listen to the radio*, тогда как в русском языке данное правило согласования действует: *Молодые люди слушают радио*. Например, французский язык характеризуется наличием у морфологической КЧ формальной и содержательной функций: *De jeunes garçons écoutent la radio*. Наличие обеих функций у КЧ не является правилом для всех языков с морфологической КЧ.

Индоевропейские языки с морфологической согласовательной категорией числа, к которым относится и французский язык, характеризуются явлением грамматического плеоназма. В данном случае речь идет об избыточности лексических и грамматических средств, используемых для передачи количественной информации в высказывании: *quatre livres*.

В татарском языке сфера функционирования КЧ строго определена ее семантическим содержанием, т.е. с одной стороны ограничена распространением только на класс нарицательных, конкретных, дискретных имен существительных, а с другой стороны – необходимостью указания количественной информации [(1), (2)]. Ориентация на выражение реальной единичности/множественности обуславливает механизм функционирования форм числа в татарском языке.

(1) Акыллы *кузларе* кысыла (ШРК:218);

(2) *Кызлар*, сагаеп, аңа карадылар (ШРК:218).

Особенности выражения

Алломорфизм связан с регулярностью выражения КЧ в сопоставляемых языках. **В английском языке** КЧ является обязательной, регулярной и всеобъемлющей – охватывает все имена существительные [18]. Каждое имя существительное без исключения формально выступает в предложении в одной из грамматических форм КЧ. Если имя существительное не имеет формы множественного числа, то оно

рассматривается в форме единственного числа, т.е. формальная оппозиция «единственное число – множественное число» всегда присутствует. Обязательность выражения КЧ состоит в том, что она выступает как элемент некой навязываемой говорящему на французском языке категории, которая не может свободно выражаться только в соответствии с коммуникативным замыслом говорящего. Обязательность в конечном счете отражает способ концептуализации действительности в данном языке [51, с. 135].

В татарском языке нерегулярность определяет технику описания выражения категории числа, т.е. является чисто формальным свойством.

Контрольное задание

Заполните карту исследования:

Таблица 1

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА		
	АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
История изучения		
КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ		
ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ		
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ		
ОБЪЕМ ФУНКЦИЙ		
КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ГЛАГОЛОВ		
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ		

Таблица 2

	АЛЛОМОРФИЗМ	ИЗОМОРФИЗМ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК		
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК		

ГЛАВА 9. КРАТКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Русский язык – один из *восточнославянских языков*. Принадлежит к наиболее распространённым языкам мира, является средством межнационального общения народов.

Русский язык выделился в XIV-XV вв. из распавшегося *древнерусского языка*, от которого происходят также украинский и белорусский языки.

С XVII в. великорусская народность преобразуется в русскую нацию со своим национальным языком. В эпоху национального языка устраняется литературное двуязычие, создаются единые литературные нормы на базе культивированной народной речи, прекращается диалектное дробление, начинается всё усиливающееся воздействие литературного языка на местные говоры и постепенное вытеснение их из речевой сферы. Церковнославянский язык, сыгравший большую роль в развитии речевой культуры в предшествующие века, сохраняется лишь как язык церкви. Церковнославянизмы, вошедшие в национальный русский литературный язык, перестают осмысляться как элементы иного, хотя и близкородственного, языка, становятся стилистически нейтральными или включаются в общий разряд архаизмов. В современном русском литературном языке слов церковнославянского происхождения насчитывается менее 10% от общего состава лексики.

Переломным этапом в становлении русского национального языка стал XVIII в. – период бурного развития промышленности, переустройства государства, подъёма науки и литературы, когда стало заметно западноевропейское (особенно французское) языковое влияние. В начале XIX в. различные языковые течения синтезировались в творчестве А. С. Пушкина в единую систему, основой которой была литературно обработанная русская народная речь. Возникли две взаимосвязанные разновидности литературного языка – письменная и разговорная, получила чёткое выражение кодификация литературных норм, обогатились взаимосвязанные языковые стили. Русский литературный язык стал полифункциональным средством общения, применимым во всех сферах жизни общества, на котором можно выразить все знания, накопленные человечеством.

Сам нормативный литературный язык стилистически неоднороден. Основная его часть (около 75% его стилистических позиций или возможностей) нейтральна, т. е. не получает в нормативных словарях и грамматиках никаких оценок. Это те элементы языка разных уровней,

которые употребляются во всех формах общения без сниженных, специфически книжных и иных оценок. Вместе с тем наряду с нейтральными словами и формами имеются и такие, при которых в словарях ставятся стилистические пометы «разг.», «прост.», «спец.» и др. Эти пометы обычно указывают на разные степени сниженности или особые области употребления языковых средств.

Письменность русский язык унаследовал из Древней Руси. Кириллица лежит в основе современного *русского алфавита*.

Татарский язык – один из тюркских языков. Имеет 3 диалекта, отмеченные значительными особенностями в фонетике и морфологии. Отличительные черты татарского языка в фонетике: наличие 10 гласных фонем, одна из которых имеет дифтонгоидный характер; наличие гласных неполного образования; наличие лабиализованного [a*]; гласные о, в, е в первом слоге вместо общетюркских у, Ү, и, гласные у, Үі и вместо общетюркских о, е, е; отсутствие губно-зубной фонемы в; отсутствие аффрикаты ч. В морфологии широко представлены аналитические временные формы, а также сочетания основного глагола со вспомогательным, выражающие характер протекания действия, его интенсивность, степень завершенности и т. п. В синтаксисе крайне редко оформление именных сказуемых аффиксами сказуемости, многообразны синтетические придаточные предложения. Лексика насыщена арабскими, персидскими и русскими заимствованиями. Письменность до 1927 года на основе арабской графики, затем на основе латинского алфавита, а с 1939 года – на русской графической основе.

Английский язык – один из *германских языков* (западногерманская группа). Один из официальных и рабочих языков ООН.

Английский язык ведёт своё начало от языка древнегерманских племён (англов, саксов и ютов), переселившихся с континента в V-VI вв. в населённую кельтами Британию. Упадок северных и северо-восточных областей из-за набегов скандинавов и усиление экономического и политического влияния Уэссекского королевства в IX-XI вв. привели к формированию литературного языка на основе главным образом уэссекского диалекта и сохранению большинства памятников древнеанглийской письменности в уэссекской редакции. Значительное количество латинизмов в древнеанглийской лексике явилось результатом проникновения в Англию христианства (с VI в.), а также переводов с латинского языка трудов различных авторов. Из языка кельтского населения Британии сохранились главным образом географические названия. Завоевание Англии норманнами в 1066 году привело к длительному периоду двуязычия: французский язык

функционировал как официальный язык, а английский язык продолжал употребляться как язык простого народа. Длительное употребление французского языка в Англии привело к тому, что после вытеснения его из официальной сферы к XIV в. в английском языке продолжают сохраняться обширные пласты французской лексики.

Для фонетического строя английского языка характерно наличие специфических гласных [æ, ʌ, iə, uə], согласных [θ, ð], отсутствие резкой границы между дифтонгами и долгими монофтонгами. Среди других германских языков английский язык выделяется наличием ярко выраженных признаков аналитического строя: основными средствами выражения грамматических отношений являются служебные слова (предлоги, вспомогательные глаголы) и порядок слов. Аналитические формы используются для выражения некоторых видовременных отношений, для образования степеней сравнения прилагательных. Падежные отношения передаются позицией слов в предложении и предложными конструкциями. Фиксированный порядок слов – одно из основных средств выражения синтаксических связей в структуре предложения. В английском языке широко используется безаффиксное словообразование (конверсия). В лексике высок удельный вес заимствований (около 70% словарного состава), среди которых многочисленную группу образуют слова и аффиксы, заимствованные из французского и латинского языков, отчасти из итальянского и испанского языков.

Контрольные вопросы

1. Сравните краткие характеристики языков и выделите параметры описания.
2. Выпишите характерные черты по уровням языка.
3. Какие данные доминируют в описании каждого языка?
4. По каким критериям составлено описание языков?
5. На основе характеристик составьте список алломорфных и изоморфных черт языков.

ГЛАВА 10. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сравнительное языкознание вначале представляло собой сопоставительное описание многих языков одновременно. Расширение материала потребовало развития и усовершенствования метода. Общий метод установления категорий языка при этом разделился на специальные методы. Внутри языкознания сформировались специальные дисциплины.

Сравнение фактов разных языков поставило перед языкознанием задачу установления принципов такого сравнения, так как сравнение может быть проведено неправильно и не дать верного результата. Например, если сравнить по созвучию русское междометие *ну!* и китайское слово *ну* 'раб', то такое сравнение бессмысленно, хотя и может породить ложную русско-китайскую этимологию: 'раб тот, кого понукают'. Поэтому сравниваться между собой должны целые **системы**, лишь после этого можно сравнивать части систем или даже отдельные элементы, но только в том случае, когда твердо установлено, что подсистемы или отдельные элементы занимают в целых системах аналогичные места.

Начало сравнительному языкознанию было положено в XVI в., когда стали создаваться грамматики национальных языков Европы. Новые национальные (иначе – вульгарные, т.е. народные) языки были значительно менее разработаны в сравнении с языками классическими: латинским, греческим и древнееврейским. Вместе с тем классические языки не были в то время мертвыми, так как существовала письменная и устная языковая практика на этих языках, прежде всего в сфере религии и учености: на этих языках осуществлялась деловая переписка, писались и печатались книги, велось преподавание и т.д. Национальные языки в то время не использовались в научном и религиозном общении, а также, что самое важное, в деловом общении. Их словарь и формы синтаксиса были для этого недостаточно развиты. Чтобы уравнивать по выразительным возможностям классические и новые вульгарные языки, необходимо было их сопоставить и выяснить объем и уровень их выразительных средств.

Такое сравнение не предполагало непосредственного применения полученных знаний, хотя эти знания и могли быть использованы впоследствии для практических действий в сфере языковой политики и школы (полученные знания были по-разному использованы в практике национально-языковых культур Европы).

Сравнение вульгарного и классического языков было системным, т.е. языки сравнивались не по отдельным элементам, а именно как целые системы. Первоначально фонетика языков не подвергалась

систематическому сравнению иначе, как при создании национальных алфавитов, но эта работа имела чисто прикладной характер. Систематическому сравнению подвергались лексика и грамматика. Такой вид поаспектного сравнения получил в дальнейшем название **сопоставительного** (контрастивного, конфронтативного) языкознания, или характерологии. При поаспектном сопоставлении языков сохранялись систематические свойства и лексики и грамматики.

10.1. Сопоставление лексических систем

Глоссарии к текстам на классических языках переводили трудные слова классических текстов на родной язык и тем самым обогащали родной язык новыми словами и значениями. Данные глоссариев сводились в словари двух видов: глоссарии на отдельные тексты и глоссарии на многие тексты, так как заимствования в массовом порядке проникали в родной язык, возмещая недостаток слов для выражения религиозных, научных, правовых и других понятий. Заимствованные слова объединялись в отдельные своды, где каждому слову давалось толкование средствами родного языка.

Глоссарии и азбуковники (словари заимствованных из классических языков слов) создавали картину лексики родного языка. Когда эта картина была дополнена данными словарей родного языка, стало возможно рассмотреть лексику в сопоставлении. В лексике выявились три основные категории: исконная лексика родного языка, иностранные заимствования и лексика классических языков.

Выделение трех категорий лексики дало возможность построить основы этимологии слов и различать слова с исконной этимологией, заимствования из других языков и культурную лексику – слова, этимологию которых надо искать в неродном (классическом) языке. Если до этого этимология понималась либо как процесс словообразования в одном языке, либо как изобразительные свойства имен, то теперь этимология стала рассматриваться и как отношения между языками в их словарном составе.

Другой стороной этого процесса было новое осознание значения слова. Поскольку слово попадает в переводный и этимологический словари, где между словами двух языков устанавливается смысловое соответствие и даже смысловая эквивалентность, звуковая сторона слова начинает мыслиться как безразличная по отношению к выражаемому им значению. Если раньше всякое слово понималось как имя вещи и, следовательно, не только выражало понятие о вещи, но и «изображало» вещь звуками, сочетаниями звуков и смысловых элементов (морфем), то теперь слово стало пониматься как

своеобразная метка для условного обозначения понятия. Семантическая, понятийная сторона слова стала выражаться в звуковом материале речи и условно обозначаться им, подобно тому как буквы условно обозначают звуки. Это значит, что язык стал пониматься как понятийное и почти совсем безобразное средство выражения мысли.

10.2. Сопоставление грамматических систем

Сопоставление проходило в двух планах: в языке, на котором писалась грамматика, и в самой теории грамматики. Сначала грамматики родного языка писались на классическом языке, затем грамматики классического языка стали писаться на родном языке, и, наконец, к XVIII в. все языки получили грамматики родного языка, написанные на родном языке. Так сложилась грамматическая терминология родного языка на родном языке. В одних случаях терминология оказалась заимствованной, в других - переводной, точнее калькированной.

Своеобразно шла и разработка грамматических понятий. Историей грамматики был поставлен вопрос: можно ли в родной язык заимствовать грамматические форманты парадигм классических языков? В виде опыта писались грамматики, где к основам родного языка добавлялись окончания латинского языка. Однако этот путь был оставлен. Тогда наметился другой путь: установление смысловой эквивалентности между частями речи, парадигмами склонения и спряжения и между членами словосочетания и предложения в родном и иностранных языках.

Грамматические заимствования морфем из классических языков оказались сравнительно редкими. Более широко были заимствованы словообразовательные элементы – префиксы и суффиксы. Главным образом заимствовались слова. Аффиксы склонения и спряжения в подавляющем большинстве случаев заимствованы не были.

Разрабатывается и состав грамматических понятий. При сопоставлении грамматических систем был поставлен вопрос о том, какие грамматические значения должны быть необходимо представлены в родном языке. Этот вопрос предопределил вопрос более общего характера: какие грамматические значения должны быть с необходимостью представлены в каждом языке? Исследование этого вопроса родило особую отрасль языкознания – **универсальную грамматику**.

Универсальная грамматика рассматривалась как эталон для сопоставления языков. С помощью универсальной грамматики сопоставлялись вульгарные, классические и любые другие языки, которые

становились известными. Универсальная грамматика помогала сопоставлять языки через семантику грамматики и лексики.

Н.Я. Бичурин, сопоставляя русский и китайский языки, установил, что идея множественности в русском языке выражается формами множественного числа существительных, прилагательных и глаголов. В китайском языке идея множественности выражается у личных местоимений и в словах, называющих лица, суффиксом *-мынь*, в обращении – префиксом *чжу-*, некоторыми формами словосложения, употреблением числительных и счетных слов с существительными [7].

Устанавливаемые таким сравнением категории выражались признаками позиционно неоднородными, разноярусными и невзаимоисключающими, т.е. непарадигматическими средствами, но выражались обязательно.

Грамматическая категория в понимании универсальной грамматики – это единство значения и множества не обязательно взаимоисключающих и одноярусных форм, т.е. грамматическая категория не обязательно имеет парадигму форм как средство выражения.

Процедура установления категорий в универсальной грамматике выглядит следующим образом:

- 1) задается значение исходя из нужд выражения мысли;
- 2) некоторая совокупность текстов на двух языках, преимущественно переводных и поэтому семантически эквивалентных, рассматривается с точки зрения характера выражения заданного значения; объем и характер текстов избираются так, чтобы получить исчерпывающие сведения о способах выражения данного значения в каждом из сравниваемых языков;
- 3) формируется категория как единство значения и множества разнородных форм выражения;
- 4) устанавливаются эквивалентные способы выражения в обоих языках.

Эти принципы сопоставительного языкознания сохраняют свою силу и сейчас. Однако в связи с развитием новых областей частного описательного языкознания сравнение идет дальше, охватывая новый материал. В настоящее время сопоставляют языки в плане фонетики, морфемики, словообразования, лексики, фразеологии и формального и семантического синтаксиса. Сопоставительное языкознание описывает, таким образом, все планы и ярусы языка. Соответственно меняется отношение к выведению основания сравнения – универсальных классификационных категорий.

При **конфронтативном исследовании** основание сравнения определяется обычно как формальная смыслоразличительная категория, то есть изучается соотношение значимости. Универсальные категории (в

современной терминологии – универсалии языка) выделяются с учетом материальной представленности в сравниваемых языках: например, гласные, согласные, слог, фонетическое слово, актуальное членение предложения, стилистические категории семантического синтаксиса, типы инверсий, фразеологические, семантические инварианты, инвариантные формальные модели словообразования, виды членов предложения и др. По этому основанию языки сопоставляются через эквивалентные тексты.

При **контрастивном исследовании** основанием сравнения является обычно только смысловая категория, т.е. изучается соотношение значений. За основание сравнения может быть выбрана семантика одной или нескольких категорий в одном из сравниваемых языков, например значение категории вида глагола в русском языке. Вслед за этим рассматривается как бы отображение выбранной категории в сравниваемом с ним языке. Если целью сопоставления является обнаружение безэквивалентных средств сравниваемых языков и способы преодоления безэквивалентности, например при **переводе, то такой тип исследования называют контрастивным.**

Сопоставительное языкознание модифицирует методы сравнения языков в зависимости от цели исследования. В универсальной грамматике исследовались, по сути дела, возможности произвести относительно адекватный перевод, развить лексический состав и синтаксическую структуру вульгарных языков до уровня классических. Путем сопоставления изучается варьирование смыслоразличительных возможностей сравниваемых языков в пределах изучаемой части их системы. В сопоставительных исследованиях преследуется цель установления переводных эквивалентов, и, следовательно, становятся возможны лингвистическая критика переводов и решение дидактических задач обучения языкам.

Суть исследований **ареальной лингвистики** заключается в том, что группы родственных и неродственных языков, носители которых живут в одном ареале, обнаруживают черты сходства в области произношения, словаря, а иногда и грамматических конструкций, не объяснимых иначе, как следствием контактов и известной общности культурных черт. Основанием сравнения в этом случае становятся эти общие ареальные черты языков, а результатом сравнения – представленность этих черт в данном ареале. Установление границ и степени распространенности общих языковых черт позволяет говорить о так называемом языковом союзе, который основывается на культурных контактах.

10.3. Изучение интернационализмов

При изучении интернационализмов основанием сравнения является обычно единая этимология таких слов (например, многие политические термины образованы на латинской основе: *коммунизм*, *социализм*, *интернационализм*, *легизм* и др.). Эти термины оказываются общими для многих языков как итог заимствования и параллельного словообразования, элементы которого взяты из общих источников. Результатом сравнения являются уточнение представленности интернационализмов в разных языках, установление круга языков, которые включают интернационализмы, а также выяснение различий фонетических и графических форм интернационализмов в разных языках, равно как и различия в объемах значения и созначений в разных языках.

Таким образом, языки в разных формах их культурных контактов. Поэтому характер модификации методов сопоставления зависит от целей исследования.

Контрольные вопросы

1. Почему должны сравниваться системы языков?
2. Когда было положено начало сравнительному языкознанию?
3. В какой области языка сопоставительное исследование языков получило наибольшее развитие?
4. Какие три категории были выделены в результате сопоставления лексических систем?
5. Что Вы знаете о принципах сопоставления лексических систем?
6. Дайте определение универсальных категорий.
7. Как определяется основание сравнения при конфронтативном исследовании?
8. Дайте определение ареальной лингвистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманова А.А. Взаимодействие категорий эвиденциальности и квантификации как объект сопоставительного исследования (на материале английского и татарского языков): дис. ... кандидат. филол. наук / А.А. Абдрахманова. – Казань, 2015. – 215 с.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – Л.: Наука, 1964. – 106 с.
3. Архипкина Г.Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа: дис. ... док. филол. наук / Г.Д. Архипкина. – Ростов-на-Дону, 2006. – 307 с.
4. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику: методические указания и контрольные вопросы / Л.К. Байрамова. – 2-ое изд. – Казань, 2005. – 16 с.
5. Баширова И.Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: дис. ... док. филол. наук / И.Б. Баширова. – Казань, 2000. – 576 с.
6. Бирюкова М.А. Семантика количественности и средства ее представления в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / М.А. Бирюкова. – Брянск, 2006. – 195 с.
7. Бичурин Н.Ю. О произношении букв, входящих в состав китайских звуков. Текст воспроизведен по изданию: О произношении букв, входящих в состав китайских звуков // Журнал Министерства народного просвещения, № 3. 1839 <http://rgo-sib.ru/book/kniga/181.htm>
8. Боргер Я.В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматических произведений дис. ... кандидат. филол. наук / Я.В. Боргер. – Москва, 2015. – 215 с.
9. Букреева Е.И. Функционально-семантическое поле количественности в разноструктурных языках: на материале английского, русского и чувашского языков: дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Букреева. – Чебоксары, 2007. – 198 с.
10. Былина Е.А. Прагматика обещания в современном англоязычном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Былина. – Иркутск, 2011. – 20 с.
11. БЭС Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-ое изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

12. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – С. 276-305.

13. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989. – С. 5-17.

14. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

15. Гаряев Р.Н. Категории числа и принадлежности имени существительного и происхождение их показателей в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук / Р. Н. Гаряев. – Тобольск, 2009. – 175 с.

16. Гашева О.В. Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Гашева. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.

17. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: монография / Г. Гийом; под ред. Л. М. Скрелиной, пер. с франц.; М., Прогресс, 1992. – 222с.

18. Гузев В. Г. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках / В.Г. Гузев, Д.М. Насилов // Вопросы языкознания. – № 3. – 1975. – С. 98-111.

19. Гусейнова Р.А. Категория числа в аварском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Р. А. Гусейнова. – Махачкала, 2006. – 193 с.

20. Джеймс К. Контрастивный анализ / К. Джеймс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989. – С. 35-45.

21. Закамулина М.Н. Аспектуальность в татарском и французском языках / М.Н. Закамулина. – Казань.: Изд-во Магариф, 1999. – 128 с.

22. Закамулина М.Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст (сопоставительное исследование) / М.Н. Закамулина. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2000. – 288 с.

23. Залегдинова А.Р. Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсивном пространстве ток-шоу (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Залегдинова. – Казань, 2013. – 22 с.

24. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте: учеб. пособие к спецкурсу / С.Г. Ильенко. – Л.: ЛГПИ, 1989. – 82 с.

25. Кадырова Л.Б. Сопоставительное исследование категории пересказывательности как компонента поля эвиденциальности (на материале

английского и татарского языков): дис. ... кандид. филол. наук / Л.Б. Кадырова. – Казань, 2014. – 218 с.

26. Камалова Р.Т. Категории лица, числа и притяжательности в татарском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: дис. ... кандид. филол. наук / Р.Т. Камалова. – Казань, 2010. – 218 с.

27. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.

28. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления / С.Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 451 с.

29. Князева А. А. Англоязычные прогностические тексты: структура, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Князева. – Тула, 2002. – 151 с.

30. Колесник Н.В. Категория числа как отражение когнитивной картины мира: На материале слов money и деньги в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Колесник. – Москва, 2003. – 133 с.

31. Колоколова Н.М. Женский промиссив в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Колоколова. – Пятигорск, 2009. – 22 с.

32. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их отношение / Э.Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989. – С. 23-26.

33. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22-31.

34. Лежнева Е.Б. Количественная характеристика коннотативных значений слова в английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е.Б. Лежнева. – Тула, 2002. – 151 с.

35. Лобанова Е. В. Средства выражения побудительности в английском языке: когнитивно-онтологический подход: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Лобанова. – Самара, 2011. – 22 с.

36. Лутфуллина Г.Ф. Квантификация как средство презентации полиситуативности (на материале французского и татарского языков): монография / Г.Ф. Лутфуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. – 187 с.

37. Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительный анализ количественно-кратных способов действия во французском и татарском языках: автореф. дисс. ...канд. филол. наук / Г.Ф. Лутфуллина. – Казань, 2004. – 27 с.

38. Лухина Е.В. Социально-ориентированный дискурс в лингвопрагматическом освещении: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Лухина. – М., 2011. – 193 с.
39. Малыхина Л.Ш. Способы выражения категории количества (единичности/множественности) в русском, английском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук / Л.Ш. Малыхина. – Душанбе, 2011. – 157 с.
40. Мальцева Я.А. Язык и когнитивная структура профетических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.А. Мальцева. – Калининград, 2011. – 22 с.
41. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
42. Матезиус В.Г. О лингвистической характериологии / В.Г. Матезиус // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989. – С. 54-56.
43. Мингазова Н. Г. Сопоставительный анализ категории числа имен существительных в английском и арабском языках: дис. ... кандидат. филол. наук / Н.Г. Мингазова. – Казань, 2004. – 174 с.
44. Муравьева Н.Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.Ю. Муравьева. – Москва, 2008. – 23 с.
45. Назарова И.П. Референциальные и прагматические особенности функционирования форм будущего времени в английском и русском языках): дис. ... кандидат. филол. наук / И.П. Назарова. – Казань, 2016. – 208 с.
46. Немзер У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики / У. Немзер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989.
47. Неустроев К.С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд.филол. наук / К.С. Неустроев. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
48. Низамов И. Көн тәртибендә бер кушымча / И. Низамов// Мәгърифәт, 2000. – 4 с.
49. Оглезнев В.В. Обещание, условие искренности и речевые акты / В.В. Оглезнев // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология / – 2014. № 4 (28). – С. 37-40.
50. Павлов В.М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л.: Наука, 1984. – 300 с.

51. Плу́нган В.А. Введение в грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие / В.А. Плу́нган. – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.

52. Поликарпова Е.В. Число, исчисление и грамматическая категория числа в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Поликарпова. – М., 2007. – 20 с.

53. Потье Б. Типология / Б. Потье // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989. – С. 83-90.

54. Пьетро Р. Дж. Ди Языковые структуры в контрасте / Р. Дж. Ди Пьетро // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака – М., Прогресс, 1989. – С. 76-79.

55. Рассолова И.Н. О взаимодействии глагольных категорий вида и времени в формировании перцептуального пространства индивида / И.Н. Рассолова // Язык как функциональная система. – Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – С. 132-137.

56. Рогожникова И. Н. Семантическая структура немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов: дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Рогожникова. – Волгоград, 2006. – 171 с.

57. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С.Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1957. – 331 с.

58. Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. ... канд. филол. наук / И.Г. Рузин. – Москва, 1995. – 199 с.

59. Серебренников Б.А. Всякое ли сопоставление полезно? // Рус. яз. в нац. шк. 1957. № 2. С. 10-17.

60. Сёрл Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Сёрл // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 170–194.

61. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 56-60.

62. Танеев Б.Т. Противоречия в языке и речи: дис. ... док. филол. наук / Б.Т. Танеев. – Уфа, 2002. – 408 с.

63. Закиев М.З. Татарская грамматика / Бурганова Н. Б., Валиуллина З. М., Ганиев Ф. А. и др., под ред. М.З. Закиева. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – Т. 2. – 397 с.

64. Закиев М.З. Татарская грамматика. – Т.1., Т.3. – Синтаксис / Ред. колл. М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. – Казань, 1997. – 582с., 574 с.
65. Фаттахова Р.Ф. Категория числа в современном татарском языке: дисс. ... канд. филол. наук/ Р.Ф. Фаттахова. – Казань, 2002. – 169 с.
66. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. – М., 1956. – Т.1. – С.188.
67. Хангильдин В.Н. Грамматика татарского языка / В.Н. Хангильдин. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1959. – 267 с.
68. Шовгенина Е.А. Директивные речевые акты в аспекте прагматической обусловленности выбора языковых средств означивания времени (на материале английского языка) / Е.А. Шовгенина // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – Серия 2: Языкознание. – Выпуск № 1– 13 (том 2). – С. 154 – 159.
69. Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику / Р. Штернеманн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: сб. тр. / Сост.: В. П. Нерознак; под общ. ред. В.Г. Гака. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 80-84.
70. Юрьев Р.А. Обещание, институциональная реальность и возможность преодоления скептического аргумента в теории речевых актов Дж. Сёрла 2014 / Р.А. Юрьев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 330– 337.
71. Юсупов У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики: дисс. ... докт. филол. наук / У.К. Юсупов. – Ташкент, 1983. – 339 с.
72. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III, 1963. – С. 95-105.
73. Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистика: монография / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
74. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков / В.Н. Ярцева. // Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 3-14.
75. Bach, K. The semantics-pragmatics distinction: What it is and why it matters// K. Turner (Ed). The semantics-pragmatics interface from different points of view: Oxford, Elsevier. – 1999. – p. 65– 84.
76. Egner I. Intercultural aspects of the speech act of promising: western and african practices // Intercultural Pragmatics, 2006. Vol. 3, №. 4. P. 443-464.
77. Lado. Robert Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1957

78. Longman. Dictionary of Contemporary English. / Longman, – 2003. – P. 487.

79. Squartini, M. Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian / M. Squartini // Linguistics. – 2008. – P. 917–947.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В.Д. Аракин.– 3-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.

2. Байрамова Л.К. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков: учеб. пособие/ Л.К. Байрамова, Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Изд-во КГУ, 1989. – 195 с.

3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учебник / М.Я. Блох. – Москва: Высшая школа, 2002. – 160 с.

4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

5. Вежбицкая А. Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи»/ Вежбицкая А. // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С. 134-170.

6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 339 с.

7. Ганиев Ф.А. Татарский язык: проблемы и исследования / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2000. – 432 с.

8. Дурст-Андерсен П.В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы / П.В. Дурст-Андерсен // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 30– 42.

9. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. 2002. – 400 с.

10. Закиев М.З. Хэзерге татар әдәби теле. Синтаксис: учебное пособие – Казань: Тат. книж. изд-во, 1958. – 250 с.

11. Зельдович Г.М. Прагматика грамматики / Г.М. Зельдович. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 648 с.

12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник / И.М. Кобозева. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 352 с.

13. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005 – 352 с.

14. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: учебное пособие / Ю.А. Левицкий. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Ком Книга, 2005. – 386 с.

15. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие / В.А. Плунгян. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

16. Салимова Д.А. Части речи в разноструктурных языках: системно-функциональный подход (на материале татарского и русского языков): дис. ... док. филол. Наук / Д.А. Салимова. – Казань, 2001. – 41 с.

17. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 400 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	3
Глава 1. Контрастивная лингвистика как особый раздел языкознания. . .	4
1.1. Факторы развития и становления контрастивной лингвистики.	4
1.2. О контрастивной лингвистике как об особой науке внутри языкознания.	6
Глава 2. Основной метод исследования контрастивной лингвистики – сопоставительный метод.	16
Глава 3. Основа сопоставления. Метаязык исследования. Метаязык описания. Язык-эталон.	20
3.1. Метаязык контрастивного исследования.	20
3.2. Метаязык описания.	22
3.3. Язык-эталон.	23
Глава 4. Понятие конгруэнтности и эквивалентности в контрастивной лингвистике.	24
Глава 5. Разноуровневое исследование. Сопоставительное исследование категории пересказываемости как компонента поля эвиденциальности (на материале английского и татарского языков) . . .	28
Глава 6. Разноуровневое исследование. Сопоставительное исследование категории перцептивности как компонента поля эвиденциальности (на материале английского и татарского языков) . . .	37
Глава 7. Сопоставительная прагматика. Сопоставительное исследование прагматических потенциалов форм будущего времени в английском и русском языках.	42
7.1. Характерные черты речевой тактики приказа.	42
7.2. Репрезентация формами будущего времени.	45
7.3. Характерные черты речевой тактики обещания.	47
7.4. Характерные черты речевой тактики предсказания	50
Глава 8. Сопоставительная морфология. Сопоставительное исследование категории числа в английском и татарском языках	55
8.1. Категория числа имени существительного.	55
8.2. Изучение КЧ существительных английского языка.	56
8.3. Изучение КЧ существительных татарского языка.	57
8.4. Категория числа глаголов в английском языке.	59
8.5. Средства выражения.	61
8.6. Объем функций.	63
Глава 9. Краткие характеристики языков сопоставления.	65

Глава 10. Сопоставительное языкознание.	68
10.1. Сопоставление лексических систем.	69
10.2. Сопоставление грамматических систем.	70
10.3. Изучение интернационализмов.	73
Список использованной литературы.	74
Список рекомендуемой литературы для дополнительного чтения.	80

Учебное издание

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна

Введение в сопоставительную лингвистику.
Английский и родной языки

Учебное пособие

Кафедра иностранных языков КГЭУ

Редактор издательского отдела М.М. Надыршина
Компьютерная верстка М.М. Надыршина

Подписано в печать 03.11.17.

Формат 60×84/16. Бумага «Business». Гарнитура «Times». Вид печати РОМ.

Усл. печ. л. 4,88. Уч.-изд. л. 5,41. Тираж 500. Заказ № 149/эл.

Редакционно-издательский отдел КГЭУ,
420066, Казань, Красносельская, 51